

Г Л А В А Х Х I.

О т ъ в о й н ы к ъ м у ш т р о в к ъ .

(1816—1830 г. г.).

Расположенный по квартирамъ въ Витебской губерніи Рязанскій полкъ, присоединивъ въ началѣ февраля 1816 года къ 2-мъ дѣйствующимъ баталіонамъ 2-й резервный, пока ничѣмъ не ознаменовывалъ своей дѣятельности. Да и не мудрено. Тяжкій, только что перенесенный походъ неминуемо долженъ былъ вызвать нѣкоторую реакцію, застои, которымъ не мало способствовало массовое оставленіе службы офицерами за ранами, по болѣзнямъ и другимъ болѣе или менѣе вѣскимъ причинамъ.¹ Такъ за ранами въ 1816 году оставили полкъ: штабсъ-капитанъ Кринарій, поручикъ Вороновъ (28 апрѣля), прапорщикъ Жуковскій (3 мая), маіоръ Лау (1 іюля); по болѣзни маіоръ Дубровинъ ушелъ въ Саратовскій гарнизонный баталіонъ (10 февраля); наконецъ, общій любимецъ полка подполковникъ Павелъ Ивановичъ Новиковъ Высочайшимъ приказомъ 30 августа назначенъ командиромъ 3-го Морского полка. По тѣмъ же причинамъ ушли въ 1817 году: штабсъ-капитанъ Сергѣй Ивановичъ Полозовъ (27 января), поручикъ Григорій Ивановичъ Коршиковъ (9 марта), капитанъ Степанъ Семеновичъ Синеоковъ II-й (18 апрѣля). Все, какъ видимъ, столпы полка, люди, кровью своею снискавшіе уваженіе и доставившіе славу на бранномъ полѣ Рязанскимъ знаменамъ. Замѣнить ихъ скоро негдѣмъ было. Корпусъ офицеровъ еще, несмотря на многія льготы и стремленіе привлечь въ армію людей съ болѣе или менѣе законченнымъ образованіемъ, пополнялся главнымъ образомъ

дворянами, молодыми людьми безъ сколько-нибудь основательной общей и спеціальной подготовки, да выслужившимися нижними чинами. Только теперь послѣ періода большихъ войнъ правительство принялось за увеличеніе числа военно-учебныхъ заведеній, увеличеніе окладовъ содержанія; но когда еще все это могло дать осязательные результаты?²

Полковникъ Скобелевъ продолжалъ командовать полкомъ и какъ прежде въ военное время, такъ и теперь въ дни мира не переставалъ обращать на себя вниманіе исправностью, примѣрной дисциплиной и вообще отличнымъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніемъ Высочайше ввѣренной ему части.

29-го сентября 1816 года на смотру генераль - фельдмаршала князя Барклая де-Толли Рязанскій полкъ найденъ въ весьма неправильномъ состояніи, за что полковникъ Скобелевъ удостоился Монаршаго благоволенія, таковое же отличіе выпало на долю Ивана Никитѣвича и въ слѣдующемъ 1817 году 16 февраля за порядокъ, дисциплину и согласіе съ жителями во время квартированія полка въ Витебской губерніи. Мы говоримъ квартированія, такъ какъ Рязанцы въ началѣ 1817 года покинули Витебскую губернію и направились на постоянныя квартиры въ городъ Владиміръ на Клязьмѣ. Не долго слѣдовательно полкъ оставался на мѣстѣ, но причину такой скорой перемѣны квартиръ надлежитъ искать въ состоявшейся общей организаціи арміи, по которой большая часть войскъ вошла въ составъ 2-хъ арміи. 17 пѣхотная дивизія причислена была къ частямъ 1-й арміи и сообразно съ ея дислокаціей передвинулась на Волгу въ центральныя губерніи.³

О нашемъ владимірскомъ житьѣ при воцарившейся всеобщей тишинѣ трудно что-либо сказать, положительно мѣшаетъ этому и крайній недостатокъ свѣдѣній. Однако, судя по дошедшимъ до насъ воспоминаніямъ Владимірцевъ, людей чужихъ совершенно полку, жилось Рязанцамъ, должно быть, не дурно. Всѣ указываютъ единогласно на нашего командира, какъ на человѣка добрѣйшей души, большого природнаго ума, веселаго характера, любившаго жить широко по-русски и роскошно.

Рязанскіе обѣды, вечера, гдѣ танцы подъ хорошуду полковую музыку и другія увеселенія доставляли всѣмъ удовольствіе, часто упоминаются старожилами.

Во времени квартированія полка во Владимірѣ относится и слѣдующій съ нѣкоторымъ анекдотическимъ оттѣнкомъ рассказъ, отлично, однако, характеризующій славнаго командира Рязанцевъ:⁴ Однажды послѣ обѣда сидѣлъ Иванъ Никитѣвичъ на балконѣ своей квартиры, выходящемъ на улицу, и курилъ изъ своей маленькой трубочки. Вдругъ онъ видитъ, что какая-то простая женщина въ лавтахъ и какомъ-то странномъ головномъ нарядѣ, подошла къ ходившему у воротъ дома часовому и спрашиваетъ его: здѣсь ли квартируетъ полковникъ Скобелевъ?

Скобелевъ опроретью пустился бѣжать внизъ на улицу и, увидѣвъ эту женщину, закричалъ: «Матушка моя» и бросился обнимать, цѣловать старушку. Потомъ схватилъ ее на руки и понесъ по лѣстницѣ во второй этажъ своей квартиры.

«Э полно Ваня! Оставь, оставь, я сама войду,» кричала старушка, но Скобелевъ въ порывѣ радости не слушался и несъ ее, какъ дитя, на рукахъ своихъ въ комнаты.

Послѣ такой встрѣчи начались самыя нѣжныя ласки и рѣчи между матерью и сыномъ. Сынъ не могъ нарадоваться, глядя на свою мать, которой онъ со дня отдачи въ рекруты, будто бы, еще не видѣлъ, а мать не могла налюбоваться своимъ сыномъ, который изъ простаго крестьянина сдѣлался теперь полковникомъ.

Послѣ первыхъ изліяній радости мать отведена была въ особую покойную комнату и ей доставлены были всевозможныя удобства, въ которыхъ простая женщина мало имѣла и надобности.

Такъ прошло нѣсколько дней и Скобелевъ ничего объ этомъ не говорилъ. Черезъ три дня онъ дѣлаетъ большой балъ и приглашаетъ корпуснаго командира, всѣхъ другихъ начальниковъ, полковыхъ командировъ, множество офицеровъ и посторонныхъ знакомыхъ съ ихъ семействами. Гостей съѣхалось множество, къ обѣду ихъ принималъ адъютантъ его (Скобелевъ тогда еще не былъ женатъ), а самъ онъ не показывался. Недоставало еще одного гостя, кор-

пуснаго командира, наконецъ и тотъ прїѣхалъ. Его встрѣтила музыка 3-хъ полковыхъ оркестровъ, одинъ на улицѣ, другой на лѣстницѣ, а третій въ залѣ. Корпусный командиръ, генераль Олсуфьевъ,⁵ вошелъ радостнымъ въ залъ съ своей женой и началъ раскланиваться съ гостями, но хозяйна еще не было. Наконецъ, открывается дверь кабинета и Скобелевъ является передъ многочленнымъ собраніемъ, ведя подъ руку какую-то старушку, одѣтую просто по крестьянски, но вмѣсто лаптей въ котлахъ и вмѣсто страннаго головного убора въ ситцевомъ платкѣ. Она ни за что не соглашалась измѣнить болѣе свой нарядъ, или одѣться богаче. Все собраніе, ничего не знавшее, было изумлено такимъ появленіемъ. Скобелевъ со старушкой прямо подходитъ къ корпусному командиру и говоритъ:

«Ваше высокопревосходительство! Если я сколько-нибудь достоинъ вашего вниманія, то позвольте мнѣ представить Вамъ самаго дорогого гостя—это моя матушка.» Генераль, любившій Скобелева, обнялъ старушку, тотчасъ подвелъ ее къ своей женѣ, которая ее поцѣловала; тутъ подѣжжали къ ней всѣ другія дамы и тоже начали цѣловать ее. Скобелевъ благодарилъ всѣхъ, рассказывалъ всѣмъ про свое счастье увидѣть свою мать и эта сцена, говоритъ очевидецъ, такъ всѣхъ растрогала, что рѣдко кто не плакалъ, не только дамы, но даже и офицеры, также вспоминавшіе матерей своихъ.

Обѣдъ былъ роскошный и веселый, а послѣ обѣда начались танцы. Старушку постоянно окружали, дамы разговаривали съ ней и она, несколько не конфузясь, говорила такъ умно, что всѣ удивлялись ей отвѣтамъ. Потомъ она пошла въ свою комнату. Баль продолжался за полночь; въ два часа подали ужинъ. Хотѣли уже садиться за столъ, но не было старушки и Скобелевъ пошелъ за ней. Онъ нигдѣ въ комнатахъ не могъ найти, наконецъ, отыскалъ ее въ кухнѣ, гдѣ она, забравшись на печку, отдыхала. Скобелевъ началъ просить ее за столъ.

«Э полно, Ваня, отвѣчала она. Я человекъ старый, утомилась, хочу отдохнуть. Ступай, веселись съ гостями, а мнѣ и здѣсь будетъ весело, думая какъ всѣ тебя любятъ и какъ ты меня любишь.» И, несмотря на всѣ просьбы сына, осталась на печкѣ, и Скобелевъ долженъ былъ возвратиться въ залъ одинъ.

«Извините ваше высокопревосходительство, сказалъ онъ, вонедни. корпусену командиру, матушка моя уже спитъ на печкѣ.»

Съли за столъ, поужинали, дамы разъѣхались, а мужчины веселились и кутили до самаго утра.

Конечно, въ приведенномъ разсказѣ народная фантазія, очевидно, сильно разукрасила то, что было въ дѣйствительности, но всякое свѣдѣніе о славномъ командирѣ Рязанцевѣ, цѣнно для ихъ исторіи. Первую громкую боевую славу пріобрѣлъ онъ, командуя Рязанскимъ полкомъ. Рязанскій же полкъ на вѣчныя времена будетъ озаряться блескомъ имени Скобелева, истинно русскаго человѣка, оригинальнаго по уму и по характеру, въ которомъ таплаась искра русской старины временъ Потемкинскихъ, Румянцевскихъ и Суворовскихъ.

6 октября 1817 года—памятный день въ лѣтописяхъ Рязанскаго полка. Въ этотъ день Высочайшимъ приказомъ, за отличіе по службѣ, полковникъ Скобелевъ произведенъ въ генераль-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 2-й гренадерской дивизіи. Таковымъ же приказомъ старый Рязанецъ, герой Бородина, Монмартра. Николай Ивановичъ Пряжевскій произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Рязанскаго полка.

Съ величайшей грустью прощались Рязанцы 8 октября съ Иваномъ Никитъевичемъ, со своимъ отцемъ-командиромъ, какъ называли его солдаты и прощались, казалось, навсегда. Но Богъ судилъ иначе. Черезъ 30 лѣтъ, какъ это увидимъ впоследствии, Иванъ Никитъевичъ въ высокомъ генеральскомъ чинѣ оиать сталъ во главѣ Рязанскаго полка, того полка, мысль о которомъ не покидала его даже на смертномъ одрѣ.

Рязанскій полкъ навсегда связанъ съ семьею героевъ Скобелевыхъ, мужское колѣно которыхъ пресѣлось въ 1882 году въ самомъ видномъ его представителѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ, героѣ Плевны, Шипки и Геокъ-Тепе.

Въ послѣдніе мѣсяцы своего командованія Иванъ Никитъевичъ женился на Надеждѣ Дмитріевнѣ Дуровой, дочери Владимірскаго помѣщика и получилъ за ней въ приданое 1000 душъ.

Вотъ какъ разсказываетъ Иванъ Никитѣвичъ о своемъ бракѣ:⁶ «рожденный къ военной службѣ я ближе видѣлъ себя къ монашескому клобуку, нежели къ злату съ суженой вѣнцу. Всѣ невѣсты были для меня на одно лицо и не болѣе нравились, какъ портретъ на чайномъ ящикѣ любимой камеръ-юнгферы китайской богдыханши. Но нашла коса на камень. Дѣвка дѣломъ смекнула, проникла въ свинцовую душу, до ижицы разгадала и, какъ нить дала, руссака подкузьмила. Во время бала нарядилась разбойница въ сарафанъ, вплела въ русу косу алу ленту, шепнула музыкѣ заиграть: «Ужъ я въ три косы косила муравую» да какъ хватить злодѣйка понашему. Мгновенно, съ быстротою, молніи, искра любви къ родному зажегла во мнѣ всю внутренность. Кровь застыла. Я было бѣжать, но было уже поздно. Отзывъ забытъ, крѣпость разрушена, штыкъ въ дребезги и бѣдное сердце вырвалось изъ груди, замерло, плепнулось и растянулось у ногъ побѣдительницы. Совѣтую вамъ, кто замужъ спѣшить, кончаетъ свой разсказъ Иванъ Никитѣвичъ, шейте сарафаны, учитесь по-русски и дѣло будетъ, какъ бы сказать, хоть не въ шляпѣ, а въ вашемъ ридикюлѣ.»

Съ уходомъ Ивана Никитѣвича кончился для полка цѣлый славный періодъ его боевой и мирной службы. Наступали другія времена. Пока еще полкъ жилъ старыми традиціями, полнымъ героизма прошлымъ, но уже появлялись признаки возрожденія забытой было нѣмецкой муштровки. Скоро, очень скоро сильными тисками охватила она русскую армію и въ конецъ исковеркала достигнутое кровавыми уроками Наполеоновскихъ войнъ.

Благодаря принятію полка своимъ же офицеромъ, проникнутымъ Скобелевскимъ духомъ, да удаленной, заброшенной въ глуши стоянкѣ на первыхъ порахъ новыя вѣянія не были такъ замѣтны. Полкъ и весь 1818 годъ провелъ спокойно на старыхъ квартирахъ, имѣя штабъ въ городѣ Владимірѣ, а баталіоны: 1-й въ с. Красномъ, 2-й въ Ямской Слободѣ, 3-й въ с. Сновицкомъ.

Но это былъ послѣдній годъ предоставленнаго послѣ военныхъ походовъ отдыха.

Въ іюнѣ 1819 года полкъ передвинулся для занятій на тѣсныя квартиры въ село Карачарово, близъ города Муромъ, а оттуда по-

шли въ Москву. Началась новая жизнь и вдобавокъ при сильно измѣненномъ составѣ. За послѣдніе два года 1818 — 1819 еще оставили ряды полка такіе старые ветераны, какъ георгіевскій кавалеръ капитанъ Логинъ Кузьмичъ Барсуковъ — герой Монмартра, ш.-капитанъ Дм. Ивановъ Коскутовъ, поручикъ Милаковъ и подпоручикъ Федоръ Ивановичъ Травинъ. Съ ними понемногу исчезалъ и духъ и боевой обликъ стараго Рязанскаго полка. Мунгтровка вступала въ свои права, безпощадно поглощая все ей противящееся.

Цѣною огромныхъ жертвъ, доставивъ миръ Европѣ, Россія въ правѣ была рассчитывать на долгіе годы прочнаго, безмятежнаго спокойствія. Такого спокойствія требовали самые существенные наши интересы. Слишкомъ ужъ много вниманія посвящено было внѣшнимъ событіямъ въ то время, когда внутреннія дѣла, еще со временъ Екатерины Великой, ожидали самаго радикальнаго лѣченія.

Конечно, Россія, какъ великая міровая держава, не могла запереться у себя дома. Кавказъ, дѣла ближняго и дальняго востока, Польша, Финляндія требовали самаго бдительнаго вниманія, но уже не выходя изъ рамокъ внутренней домашней политики.

И послѣдовавшая, вслѣдъ за окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ, общая группировка державъ и первенствующее положеніе, занятое Россіею въ Европѣ, вполне оправдывали такіе расчеты на миръ. Мало того, расчеты эти фактически оправдались.

Другое дѣло, какъ съумѣли мы воспользоваться временемъ? Какъ принялись, какъ повели мирную работу, въ которой и нашей славной арміи предстояло принять дѣятельное энергичное участіе? Больно ужъ много накопилось жгучихъ, неотложныхъ для рѣшенія вопросовъ.

Мы знаемъ, какое вѣрное направленіе получила внутренняя жизнь нашихъ войскъ въ теченіе первой половины царствованія Императора Александра I. Исчезла мелочная требовательность; тѣлесное наказаніе, хотя и существовало по закону, рѣдко примѣнялось; условія быта улучшились особымъ попеченіемъ Монарха; мирныя экзерциціи, томительные разводы и маршировки съ носка уступили, на-

конецъ, мѣсто боевой дѣятельности, открывшей каждому воину путь къ славѣ и подвигамъ. Легко вздохнули посѣдѣлые воины, услышавъ призывъ своего обожаемаго Государя на борьбу за вѣру и Отечество.

Но послѣ 1815 года въ такомъ направленіи наступила рѣзкая перемѣна. Благороднѣйшему изъ Монарховъ, возвеличившему Россію и поставившему ее на первое мѣсто среди европейскихъ державъ, пришлось испытать серьезную неблагодарность, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ, Имъ облагодѣтельствованныхъ. Все это породило въ Императорѣ крайнюю подозрительность и недоувѣріе.

Воспитаникъ Лагарпа сталъ проводить въ дѣлахъ принципы, которымъ такъ явно не сочувствовалъ вначалѣ. Къ новому направленію нашлись и подходящіе люди, а между ними первымъ по дѣламъ военнаго управленія былъ графъ Аракчеевъ.

Онъ то и ему подобные стали проводить принципы, что война портитъ солдата, заставляетъ его отвыкать отъ тонкостей строевой службы. Сообразно съ такими взглядами поведено все образованіе войскъ, направленное главнымъ образомъ на внѣшнюю, показную сторону. Великіе уроки прошлаго брошены, какъ ненужный хламъ, и мѣсто здраваго разсудка и широкой живой инициативы занялъ сухой педантизмъ, убивающій всякую умственную дѣятельность и стремленіе къ образованію; знаніе мелочей строя поощрялось по преимуществу; палка опять пріобрѣтаетъ права гражданства. Естественно, что такія требованія могли выдвигать только людей крайне невѣжественныхъ, а въ нихъ недостатка не оказалось. Но мало того, все растлѣвающему вліянію подпали и многіе наши выдающіеся военачальники, не избѣгъ его и самъ фельдмаршалъ Барклай де-Толли. Мракъ окуталъ армію; между нею и Престоломъ сталъ грозный Аракчеевъ. Гуманѣйшія, самыя челоуѣколюбивыя постановленія Александра Благословеннаго, при приведеніи ихъ въ жизнь искажались исполнителями въ самомъ корнѣ до неузнаваемости. Такъ, между прочимъ, случилось съ огромнѣйшей реформой по военному вѣдомству устройствомъ военныхъ поселеній. Мы знаемъ, что объ этомъ мечталъ еще Петръ I, не оставляли великой по замыслу идеи

и его Вѣнценосные Преемники, однако, все безуспѣшно. Теперь за осуществленіе ея принялся строгій педантичный Аракчесвъ.

Желая избавить Россію отъ тягости рекрутской повинности и развить вооруженныя силы безъ обремененія бюджета, съ 1816 г. постановлено было водворять части войскъ въ заранѣе намѣченныхъ селеніяхъ. Казенные жители такой мѣстности оставались на родинѣ, причемъ каждый изъ хозяевъ обязанъ былъ содержать собственными средствами 1—2 солдатъ, взаменъ чего освобождался отъ прочихъ повинностей; солдатъ-постоялецъ помогать крестьянамъ въ полевыхъ работахъ. Военныя поселенія имѣли нести полевую службу и комплектовать изъ среды своей постоянныя, поселенныя у нихъ полки. Въ этихъ видахъ установлена строго строевая регламентація. Въ поселенномъ округѣ каждая рота жила отдѣльно одна отъ другой, имѣла свою ротную площадь, гауптвахту, общее гумно, ротные сараи, конюшни и проч. Офицеры жили въ отдѣльныхъ домахъ. Поселяне имѣли полковое обмундированіе за исключеніемъ нѣкоторыхъ стариковъ, называемыхъ «необмундированными жителями,» и занимались хозяйствомъ и обученіемъ стрѣльбѣ. Послѣ сохи и косы приходилось брать ружье и въ 12 темновъ продѣлывать пріемы, маршировать тихимъ учебнымъ шагомъ, да изучать воинскіе уставы и правила о содержаніи въ чистотѣ избъ, разчиствѣ полей и проч. За малѣйшее отступленіе ожидало тѣлесное наказаніе или же штрафъ, платный произведеніями своихъ трудовъ. Дѣлами округа вѣдалъ комитетъ, собственно штабъ, состоящій изъ присутствія, канцеляріи и пріемной. Здѣсь сосредоточивалось все управленіе, отдавались приказы, что кому изъ хозяевъ и каждому въ семьѣ дѣлать, разсматривались дѣла о выходѣ вдовъ и дѣвушекъ замужъ и вообще весь порядокъ жизни поселянъ.

Такимъ образомъ военныя поселенія представляли какъ бы благоустроенныя имѣнія, но можно себѣ вообразить, что стоило это благоустройство исполнителямъ?

По печатной описи поселяне получали свой долгъ.

Въ инструкціи указывалось какой краской и въ какіе сроки красить дома, какъ вставлять рамы, замазывать окна, топить печи, чистить и красить трубы и проч.

Жены поселянъ отвѣчали за чистоту въ избѣ и на дворѣ. Старшая хозяйка обязана была встрѣчать коровъ у гумна, а утромъ провожать ихъ въ поле за ворота околицы и сдавать ихъ пастухамъ. Въ домахъ должны были быть заведены кровати съ занавѣсками, въ окнахъ форточки; указывалось, когда ихъ отворять, какъ стирать пыль. При проѣздѣ мимо дома начальника, что возвѣщалось особымъ приказаніемъ или ударомъ въ колоколъ на гауптвахтѣ, женщины обязательно выходили на крыльцо и встрѣчали начальника поклонами. Дѣти тоже были подчинены регламентаціи: для нихъ устроены школы, гдѣ обучались чтенію, письму и ариметикѣ, а въ свободное время церковному пѣнію. Офицерамъ тоже было не легко. Дежурства, наряды, караулы шли своимъ чередомъ, а осмотръ избѣ, хлѣбовъ, одежды, повѣрка домашняго инвентаря занимали все свободное время.

Измѣняя такъ насильственно бытъ мужика, проводимая съ нѣмецкой педантичностью, задуманная реформа въ корнѣ своемъ не соответствовала духу русскаго народа, изъ котораго стремились создать какую-то спартанскую общину. Все созданное оказалось, конечно, непрочнымъ и впоследствии было уничтожено, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, кромѣ страшныхъ преданій въ народѣ и нѣсколькихъ кровавыхъ страницъ въ исторіи. Но въ разсматриваемое время военныя поселенія получили широкое примѣненіе и заключали въ себѣ цѣлую треть русской арміи. Не избѣгъ горькой участи и Рязанскій полкъ.

Уже въ самомъ началѣ 1820 года, прибывъ въ Москву, 1-й и 3-й баталіоны расположились въ Хамовническихъ казармахъ, 2-й же баталіонъ перешелъ прямо въ г. Веневъ Тульской губерніи, откуда по Высочайшему повелѣнію направленъ 2-го Апрѣля въ Слободско-Украинскія военныя поселенія.⁷

Поселенія эти на югѣ Россіи составили баталіоны 13-й, 14-й и 15-й пѣхот. дивизій, по одному отъ каждаго полка и третіи эскадроны 2-й уланскій и 2-й Кирасирской дивизій, всего 18-баталіоновъ и 96 эскадроновъ.

Съ выключеннымъ изъ состава полка 2-мъ баталіономъ въ поселенныя войска ушли:

- Маіоры: Михаилъ Стефановичъ,
Вильгельмъ Вульфъ.
- Ш.-Капитаны: Василій Чебыкинъ,
Константинъ Григорьевъ,
Василій Синеоковъ,
Федоръ Желтобрюховъ.
- Поручики: Данилъ Ерасковъ,
Семень Колидничевъ 2-й,
Алексѣй Абрамовъ,
Егоръ Малиновскій.
- Подпоручики: Иванъ Суворовъ,
Константинъ Суворовъ,
Павель Второвъ,
Федоръ Григорьевъ.
- Прапорщики: Владиміръ Оловниковъ,
Дмитрій Волошинъ,
Михаилъ Кусаковъ,
Александръ Яковицкій,
Василій Путята.
- Штабъ-Лѣкаръ: Фридрихъ Миллеръ.
Фельдфебелей 4. Портупей-прапорщиковъ 4.
Подпрапорщикъ 1. Унтеръ-офицеровъ 72.
Рядовыхъ 330. Нестроевыхъ 31.
Денщиковъ казенныхъ 23. Временныхъ кантонистовъ 3.
Собственныхъ 3.

Въ маѣ 1820 года встрѣчаемъ 2-й баталіонъ въ селѣ Око-редномъ, Курской губерніи, Старооскольскаго уѣзда, а еще черезъ мѣсяць, окончательно расположеннымъ на мѣстныхъ квартирахъ въ селѣ Запорожномъ, въ округѣ военныхъ поселеній Чугуевского уланскаго полка, въ отрядѣ отряднаго командира Г.-М. Де Сентъ-Лорена, подъ общимъ начальствомъ 2-ой уланской дивизіи генералъ-маіора Юзефовича 1-го.

Съ тѣхъ поръ для 2-го баталіона началась совершенно другая, отдѣльная отъ родного полка жизнь. Жизнь эта почти ни въ чемъ

не выходила изъ рамокъ, изложенной выше, общей для всѣхъ поселеній программы; развѣ только что она была легче, сноснѣе, вдали отъ зоркаго глаза начальника всѣхъ поселенныхъ войскъ графа Аракчеева, да и сами Слободско-Украинскія поселенія, какъ менѣе устроенныя, не могли еще проникнуться вполне духомъ жестокихъ требованій.

Между тѣмъ уменьшенный въ своемъ составѣ 2-хъ баталіонный полкъ не покидалъ центральныхъ губерній Россіи. Вся служба Рязанцевъ заключалась въ безпрерывныхъ смотрахъ, да тяжелой караульной службѣ, которую несли они въ Москвѣ, чередуясь съ полками 13-й и 14 дивизій. Перерывъ сопровождался всегда оставленіемъ первопрестольной столицы и занятіемъ временныхъ квартиръ то въ Тульской, то въ Московской губерніяхъ.

Такъ, весною 1820 года Рязанцы, сдавъ караулы, перешли въ г. Веневъ, Тульской губерніи, лѣтомъ они уже въ Московской губерніи, близъ г. Коломны, въ селѣ Протопоповѣ, съ октября опять въ Москвѣ въ Хамовническихъ казармахъ. Подобнымъ же образомъ протекли 1821 и 1822 годы, только въ послѣднемъ полкъ, прибывъ въ августъ въ Москву, расширилъ районъ квартированія, занявъ 1-мъ баталіономъ Спасскія, а 3-мъ Покровскія казармы.⁸

Въ тотъ же періодъ времени происходили частыя измѣненія въ распредѣленіи частей войскъ. Такъ еще 1 февраля 1817 года 17-я дивизія вошла въ составъ 11-го корпуса 1 арміи и штатъ полка убавленъ на 24 нестроевыхъ отъ уничтоженія палаточныхъ ящиковъ и лазаретныхъ фуръ.⁹

18 октября 1819 года Рязанцы вошли въ составъ 15 пѣхот. дивизіи совместно съ полками Рязскимъ, Бѣлевскимъ и Тульскимъ, съ которыми не разлучаются до настоящаго времени.¹⁰

15 пѣхот. дивизія съ 13-й и 14-й составляли 5 пѣхот. корпусъ графа Толстого въ 1-й арміи, которой командовалъ генералъ отъ инфантеріи баронъ Сакенъ.

Изъ болѣе мелкихъ административныхъ распоряженій слѣдуетъ отмѣтить сформированіе при полку особой фурштадской роты. Мѣра

эта была вызвана желаніем оградить интересы казны отъ излишнихъ расходовъ по перевозкѣ провіанта при разбросанномъ квартирномъ расположеніи войскъ. Фурштадскія роты были сформированы не при всѣхъ корпусахъ; у насъ для этой цѣли выдѣлено 32 чел. нестроевыхъ. Шесть фурштадскихъ ротъ различныхъ полковъ составляли баталіонъ, причисленный къ дивизіи. Изъ баталіоновъ формировалась фурштадская бригада, принадлежащая къ корпусу.¹¹

Такъ монотонно, однообразно протекали дни мира. А здоровье Императора Александра I тѣмъ временемъ понемногу, но постепенно подтачивалось и, наконецъ, окончательно было надломлено ужаснымъ извѣстіемъ сначала о семеновскомъ бунтѣ, потомъ объ общей политической пропагандѣ среди войскъ.

Въ длинномъ списокѣ преступниковъ, слава Богу, не встрѣчаемъ ни одной фамиліи, которая принадлежала бы Рязанскому полку, семеновская же исторія косвенно задѣла насъ и достойна быть отмѣченной хотя нѣсколькими словами.

Семеновскій полкъ былъ любимѣйшимъ полкомъ Государя. Отличный составъ офицеровъ, имѣя идеаломъ Вѣнценоснаго шефа, стремился къ достиженію совершенства и достигъ его. Въ казармахъ, на ученіи не слышно было не только брани, но и грубаго слова, о тѣлесномъ наказаніи не могло быть и рѣчи, почти всѣ солдаты, благодаря трудамъ офицеровъ, были грамотны. Такое облагороженное состояніе полка не нравилось многимъ и вотъ, какъ говорятъ, по проекціи Аракчеева въ 1819 году командиромъ Семеновцевъ назначенъ полков. Шварцъ, «дабы выбить дурь изъ головы Семеновцевъ.» Шварцъ соединялъ въ себѣ невѣжество съ вспыльчивостію и крутымъ характеромъ. Онъ ничего не признавалъ, кромѣ фронта и здѣсь являлся фанатикомъ. На ученіи бранился, ревѣлъ дикимъ голосомъ, безъ папокъ оно не обходилось.

Шварцъ билъ солдатъ своеручно, дергалъ ихъ за усы, заставлялъ плевать другъ другу въ лицо, томилъ ученіями даже въ праздничные дни. Будучи самъ безкорыстенъ, онъ заставлялъ нижнихъ чин. на ихъ собственное жалованіе покупать мѣлъ на бѣленіе амуниціи, на фарбу для усовъ, а у кого усовъ не было, должны были накле-

ивать фальшивые какимъ то составомъ, отъ котораго дѣлались бѣлячки и чирья. Офицеровъ Шварцъ оскорблялъ то грубой фамильярностію, то пошлыми выходками. Долго терпѣли Семеновцы, но наконецъ, терпѣніе ихъ лопнуло. Государь находился за границей и полкъ рѣшилъ жаловаться, не ожидая обычнаго инспекторскаго смотра. Тайное злорадство однихъ, злонамѣренность другихъ, а главное неумѣніе начальниковъ справиться съ возненіемъ, придали ему характеръ бунта. Дѣло неслыханное въ нашей арміи.

Сбивчивыя донесенія изъ Петербурга начальниковъ, потерявшихъ головы, убѣдили Государя въ гнусной неблагодарности Семеновцевъ, удостоиваемыхъ всегда Его милостями и вниманіемъ. Потерявъ всякое къ нимъ довѣріе, Александръ I съ великой грустью повелѣлъ всѣхъ чиновъ любимаго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка распределить по частямъ арміи. По этому распределенію Рязанскій полкъ 13 февраля 1821 года получилъ 2 унтеръ-офицеровъ и 32 рядовыхъ, бывшихъ Семеновцевъ.¹²

Въ послѣдній разъ имѣли счастье Рязанцы видѣть своего обожаемаго Монарха въ 1823 году во время обычной стоянки въ Москвѣ. Государь прибылъ въ первопрестольную 25 августа, а на другой день, въ годовщину Бородинскаго сраженія, произвелъ смотръ нашему корпусу.

Въ ожиданіи Государя войска подъ общей командой корпуснаго командира, графа Толстого, построились на Ходынскимъ полѣ. Рязанскій полкъ въ составѣ 2-хъ баталіономъ: 1-й майора Федора Беляговича, 3-й подполковника Павла Леонтьева Ганкевича. Въ строю находились слѣдующіе офицеры—ротные командиры:

Капитаны: Павелъ Ив. Брюховъ,
Петръ Ив. Подлунцкій,
Дмитрій Ив. Даценко.

Ш.-капитаны: Андрей Ив. Николаевъ,
Петръ Семеновичъ Тюнинъ,
Иванъ Авенир. Войденевъ,
Барцъ Егоровичъ Тизенгаузенъ.

Поручикъ: Петръ Львовичъ Миловичъ.

ивать фальшивые какимъ то составомъ, отъ котораго дѣлалась бѣлячки и чирья. Офицеровъ Шварцъ оскорблялъ то грубой фамиллярностію, то пошлыми выходками. Долго терпѣли Семеновцы, но наконецъ, терпѣніе ихъ лопнуло. Государь находился за границей и полкъ рѣшилъ жаловаться, не ожидая обычнаго инспекторскаго смотра. Тайное злорадство однихъ, злонамѣренность другихъ, а главное неумѣніе начальниковъ справиться съ волненіемъ, придали ему характеръ бунта. Дѣло неслыханное въ нашей арміи.

Сбивчивыя донесенія изъ Петербурга начальниковъ, потерявшихъ головы, убѣдили Государя въ гнусной неблагодарности Семеновцевъ, удостоиваемыхъ всегда Его милостями и вниманіемъ. Потерявъ всякое къ нимъ довѣріе, Александръ I съ великой грустью повелѣлъ всѣхъ чиновъ любимаго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка распределить по частямъ арміи. По этому распределенію Рязанскій полкъ 13 февраля 1821 года получилъ 2 унтеръ-офицеровъ и 32 рядовыхъ, бывшихъ Семеновцевъ.¹²

Въ послѣдній разъ имѣли счастье Рязанцы видѣть своего обожаемаго Монарха въ 1823 году во время обычной стоянки въ Москвѣ. Государь прибылъ въ первопрестольную 25 августа, а на другой день, въ годовщину Бородинскаго сраженія, произвелъ смотръ нашему корпусу.

Въ ожиданіи Государя войска подъ общей командой корпуснаго командира, графа Толстого, построились на Ходынскимъ полѣ. Рязанскій полкъ въ составѣ 2-хъ баталіономъ: 1-й майора Федора Беляговича, 3-й подполковника Павла Леонтьева. Ганкевича. Въ строю находились слѣдующіе офицеры—ротные командиры:

Капитаны: Павелъ Ив. Брюховъ,
Петръ Ив. Подлунцкій,
Дмитрій Ив. Даценко.

Щ.-капитаны: Андрей Ив. Николаевъ,
Петръ Семеновичъ Тюнинъ,
Иванъ Авенир. Войденевъ,
Баръ Егоровичъ Тизенгаузенъ.

Поручикъ: Петръ Львовичъ Миловичъ.

Полковымъ адъютантомъ былъ Григорій Васильевичъ Бахметьевъ, а казначеемъ Иванъ Антоновъ Федоровъ.¹³

Отслушавъ обѣдню въ придворной церкви «Спаса за золотой рѣшеткой», Императоръ Александръ I прибылъ на Ходынское поле. Громовые раскаты «ура» встрѣтили Государя, который со свойственной Ему ласковостью и свѣтлымъ взоромъ привѣтствовалъ свои дорогія войска.

27 августа проходила стрѣльба въ цѣль унтеръ-офицеровъ всего корпуса, а 28 маневры близъ села Всесвятскаго, а тамъ простились Рязанцы навсегда со своимъ Императоромъ.

До октября полкъ оставался въ Москвѣ, а затѣмъ выступилъ въ Веневь. Командиръ полка между тѣмъ приказомъ 26 ноября произведенъ былъ въ полковники съ утвержденіемъ въ должности. Обращаясь ко 2-му баталіону, мы не встрѣчаемъ въ жизни его ничего особенно замѣчательнаго. Въ концѣ 1820 года убылъ изъ баталіона въ 30 Егерскій полкъ маіоръ Вульфъ; на мѣсто его, какъ младшаго штаба-офицера, отправилъ полкъ маіора Христофора Анучина. Еще черезъ годъ перевели во Владимірскій гарнизонный баталіонъ маіора Михайла Романовича Стефановича и въ командованіе 2-мъ поселеннымъ баталіономъ вступилъ, переведенный приказомъ отъ 27 августа, 26 Егерскаго полка маіоръ Матвѣй Никитичъ Ординъ. Въ квартирномъ расположеніи поселеннаго баталіона находимъ нѣкоторыя измѣненія лишь съ 1822 года. Такъ, до начала лѣтнихъ занятій, штабъ занимаетъ въ Волчанскомъ уѣздѣ, Слободско-Украинской губерніи, село Великіе Бурлуки, ротные же дворы:

2-й	гренадерской	въ Николаевкѣ,
4-й	мушкатерской	Новое Шиповитое,
1-й	„	Казинка,
6-й	„	Хатніе.

Въ апрѣлѣ 2-й баталіонъ выступилъ на работы по устройству поселеній въ округѣ Таганрогскаго уланскаго полка и провелъ все лѣто въ сараяхъ слободы Печенѣги (4 муш. 2 гр.) въ есеніяхъ Векидонь (5 р.) и Бозалевикѣ (6 р.).

На зиму штабъ баталіона, 2 гр. и 5 мушкатер. расположились въ с. Николаевкѣ, 5-я въ Малой Волчьей, 6-я въ Васильевкѣ.¹⁴

Въ 1824 году послѣдовало важное измѣненіе: приказомъ 26-го марта 2-му баталіону повелѣно было присоединиться къ полку, а на мѣсто него въ составъ поселенныхъ войскъ перейти 3-му бат., командиромъ котораго все таки оставаться м. Ордину. Впрочемъ въ 1825 г. его смѣнилъ Московскаго пѣхотнаго полка маіоръ Вефель. Ординъ переведенъ въ Бутырскій пѣх. полкъ. Такая замѣна одного баталіона другимъ совершилась въ теченіе апрѣля мѣсяца и, конечно, принята была съ восторгомъ.

3-й баталіонъ временно свое пребываніе основалъ въ округѣ поселеній Борисоглѣбскаго уланскаго полка въ с. с. Шелудаевкѣ и Гнилушкахъ, тамъ застала его ужасная неожиданная вѣсть о кончинѣ Государя.

19 ноября 1825 года почилъ Императоръ Александръ Благословенный.

Армія наша никогда не забудетъ словъ незабвеннаго Государя, когда Онъ подъ Лейпцигомъ, при видѣ смѣло идущихъ въ бой полковъ, сказалъ: «о, какъ желалъ бы Я доставить покой этимъ славнымъ людямъ.»

Не суждено однако было осуществиться желаніямъ доброй, гуманной души Его.

Вступленіе на престолъ молодого Императора Николая I-го сопровождалось, какъ извѣстно, открытымъ мятежемъ частей гвардейскихъ войскъ на Сенатской площади въ С. Петербургѣ. Печальное событіе это несомнѣнно не могло не остаться безъ вліянія на весь послѣдующій ходъ исторіи продолжительнаго царствованія Рыцаря Императора.

Охранительное начало становится первенствующимъ во всѣхъ дѣлахъ, какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Унаслѣдованное получаетъ дальнѣйшее развитіе. Передъ могучей непреклонной волей Императора все замолкло, смирилось. Онъ одинъ сталъ дѣйствительнымъ Правителемъ своей обширной Имперіи.

Неудивительно поэтому, что въ жизни полка ровно ничего не измѣнилось.

1826-й годъ встрѣченъ, какъ это раньше бывало, въ Москвѣ, въ Спасскихъ казармахъ, а въ мартѣ полкъ перешелъ въ Веневъ и сталъ 1 бат. въ Настасьинѣ, 2-й въ с. Мягомѣ. Въ Веневѣ въ на-

чалъ мая засталъ Рязанцевъ удивительный приказъ о выдѣленіи въ полномъ составѣ ротъ 2-го баталіона на укомплектованіе полковъ 10 и 11 пѣхотныхъ дивизій.

Роты 2-го баталіона ушли въ слѣдующія части:¹⁵ 2-я гренадерская (219 ч.), поручикъ Ив. Ив. Чиповичъ, 4-я мушкатерская (186 ч.), капитанъ Петръ Семеновичъ Тюнинъ, — въ 21-й Егерскій полкъ; 5-я мушкатерская (191 ч.), капитанъ Иванъ Яковлевичъ Бѣлоусовъ, — въ 22-й Егерскій полкъ; 6-я мушкатерская (189 ч.), капитанъ Петръ Ивановичъ Толстой, — въ Орловскій пѣхотный полкъ.

Такъ уменьшенный въ своемъ составѣ Рязанскій полкъ сталъ именоваться Рязанскимъ пѣхотнымъ баталіономъ 5-го своднаго полка и числилъ въ рядахъ: 2 штабъ-офицера, 12 оберъ-офицеровъ, 68 унтеръ-офицеровъ, 33 музыканта, 688 рядовыхъ, 8 рекрутъ, 16 кантонировъ, 94 нестроевыхъ и 10 лошадей.

Сообразно съ новой организаціей измѣнилось и квартирное расположеніе: штабъ баталіона оставался въ Веневѣ, а роты перемѣнились—1-я гренадерская въ слободу Озеранскую, 1-я мушкатерская въ Гати, 2-я въ Пушкарскую слободу, 3-я въ Хавки.

Чѣмъ вызвано было такое непонятное сокращеніе штатовъ полка—трудно сказать, во всякомъ случаѣ оправдано ничѣмъ оно быть не можетъ. Нельзя же кроить частей по призыву: этимъ нарушались потоками крови купленные традиціи, духъ, сплоченность полка. Неудивительно, что полкъ, въ концѣ концовъ, превратился въ какую то конвойную команду, занятую несеніемъ караульной службы, экзекуціями въ деревняхъ по требованію помѣщиковъ, якобы противъ бунтующихъ крестьянъ, да тупой безсмысленной муштровкой.

За время квартированія въ Тульской губерніи то и дѣло встрѣчаемъ лишь донесенія отъ полка на Высочайшее имя о пожарахъ, скоростижной смерти кого-нибудь изъ жителей, найденныхъ мертвыхъ тѣлахъ. Такъ 19 іюня 1826 года въ расположеніи 1-й гренадерской роты случился пожаръ, происшедшій, какъ доносилъ полковникъ Пряжевскій Государю, вследствие развратной жизни «пѣхотной солдатки Аксиньи Алексѣевой, которая нерѣдко и трубку курить.»¹⁶

Лѣтомъ того же 1826 года Рязанцы очутились въ лагерѣ подѣ Москвою на Хорошевскомъ полѣ въ сводной дивизіи генер.-адъютанта Сипягина, состоящей изъ таково же уменьшеннаго состава полковъ, какъ и нашъ Рязанскій.

Три мѣсяца лагерной стоянки ознаменовались только смотрами Великаго Князя Михаила Павловича, выбравшаго лично изъ рядовъ Рязанцевъ 3-хъ человекъ въ Гренадерскіе полки. Затѣмъ полкъ перешелъ въ городъ Касимовъ Московской губерніи, гдѣ простоялъ по 1827 годъ.¹⁷

Въ Касимовѣ Рязанцы дождались отмѣны крайне тяжелой реформы. Съ февраля 1827 года полку повелѣно именоваться опять Рязанскимъ пѣхотнымъ полкомъ, но въ 4-хъ ротномъ составѣ.

Въ упомянутымъ уже не разъ занятіямъ теперь прибавились еще государственныя работы по соединенію рѣкъ Волги съ Москвою. Выступивъ изъ Касимова 21 апрѣля 1827 года полкъ прибылъ 9-го мая къ селу Подсолнечной-Горѣ и сталъ для работъ по участкамъ: 1-я гренадер. рота въ с. Рѣкинѣ, 1-я мушкатерская въ дер. Осметьевѣ, 2-я въ дер. Бутыркахъ, 3-я въ с. Рябинѣ.¹⁸

Съ работъ сошли Рязанцы 15 сентября и направились на новыя квартиры въ городъ Пронскъ, Рязанской губерніи, куда прибыли 10 октября.¹⁹

И на новыхъ мѣстахъ квартированія потекла все та-же неприглядная жизнь. Только во второй половинѣ ноября, распоряженіемъ штаба 1-й арміи отъ 17 числа, экстренно наряжена была команда изъ 2-хъ взводовъ съ поручикомъ Дасюкевичемъ (2 оберъ-офицера, 14 унтеръ-офицеровъ, 3 муз. и 118 рядовыхъ) въ имѣніе г. л. Измайлова Тульской губерніи, село Хитровицину, для усмиренія возставшихъ его дворовыхъ людей. Команда наша, посланная на смѣну Тульскаго гарнизоннаго баталіона, прибыла въ имѣніе Измайлова по 8 апрѣля 1828 года, когда волненіе окончательно затихло. Полкъ, между тѣмъ, недолго оставался въ Пронскѣ. Уже 5 января 1828 года онъ перешелъ въ г. Звенигородъ, а 29 апрѣля вступилъ въ Москву въ Спасскія казармы, откуда 15 сентября прибылъ опять въ Звенигородъ.²⁰

Это былъ періодъ первой (1828 — 29 г.г.) Турецкой войны, когда благороднѣйшій нашъ Рыцарь-Императоръ, связанный цѣпями священнаго союза, тѣмъ не менѣ рѣшился заступиться за братьевъ нашихъ по вѣрѣ, за греческій народъ, звѣрски угнетаемый мусульманами.

Въ войнѣ этой приняли участіе лишь войска 2-й арміи, расположенныя близъ границы Турціи. 1-я же армія, въ составъ которой входили Рязанцы, участія въ войнѣ не принимала; изъ первой арміи для усиленія дѣйствующихъ войскъ выдѣлены были только 3-й пѣхот. и 4-й резервный кавалерійскій корпуса, расположенные въ Кіевской, Курской и смежныхъ съ ними губерніяхъ.

Рязанскій полкъ весь 1829 провелъ въ Москвѣ, въ Хамовническихъ казармахъ, вступивъ туда изъ квартиръ у Звенигорода 4 января. Съ 19 мая Рязанцы стали лагеремъ на Ходынскомъ полѣ, причемъ полкъ въ началѣ апрѣля доведенъ былъ уже до 2-хъ баталіоннаго состава.

За лагерное время отмѣчено печальное въ жизни полка событіе. 13 іюля скончался командиръ нашъ, полковникъ Николай Ивановичъ Пряжескій. Во временное командованіе вступилъ маіоръ Протопоповъ, но уже Высочайшимъ приказомъ 24 іюля командиромъ полка назначенъ, переведенный изъ Ярославскаго пѣхот. полка бывший нашъ старый офицеръ, подполковникъ Павелъ Леонтьевичъ Ганкевичъ, который прибылъ и вступилъ въ командованіе полкомъ 1 сентября.

Ежели такимъ образомъ Рязанскій полкъ находился вдали отъ происходившихъ на Балканахъ событій, то сказать этого нельзя о 3-мъ его поселенномъ баталіонѣ.

3-й баталіонъ мы оставили въ округѣ Борисоглѣбскаго уланскаго полка, гдѣ его застала вѣсть о кончинѣ Императора Александра 1-го.

Образованія при почившемъ Государѣ военныя поселенія съ воцареніемъ Императора Николая I не только не были уничтожены, но получили большое развитіе, хотя крайнія стѣсненія частной жизни поселянъ, жестокое обращеніе съ ними, непосильныя работы и стро-

евыя занятія, лишая возможности поселянъ заниматься собственнымъ хозяйствомъ, совершенно разошля ихъ.

Въ характеръ службы 3-го баталіона ничего поэтому не измѣнилось. Онъ попрежнему числился въ дивизіи 2 уланской и прикомандированныхъ къ ней войскъ г. м. Коровкина.

1826 годъ 3-й баталіонъ встрѣтилъ въ Харьковскомъ уѣздѣ въ с. с. Мерфѣ (3 гр. рота капитанъ Чебыкинъ), Артемовкѣ (7 рота ш.-капитанъ Абрамовъ), Островерховкѣ (8 рота ш.-кап. Суворовъ 1-й) и Комаровкѣ (9 рота капит. Желтобрюховъ), а въ февралѣ на одинъ мѣсяцъ перешелъ въ городъ Чугуевъ для занятія карауловъ.

Поселенія Борисоглѣбскаго уланскаго полка 3-й баталіонъ оставилъ лишь въ маѣ 1827 года и перешелъ въ округъ Серпуховскаго уланскаго полка село Борщевое. Въ 1828 году съ мая онъ въ округѣ Чугуевскаго уланскаго полка при селеніи Каменная Воуга, затѣмъ въ іюлѣ на бивакахъ у с. Малиновое, а съ сентября на зимнихъ квартирахъ въ Волчанскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ Молодовое (3 гр. р.), Терновая-Варваровка (7 р.), Хотомли (8 р.), Верхнее Солтово (9 р.) и Старое Солтово (штабъ баталіона). Военная гроза на Востокъ съ 1829 года совершенно измѣнила службу 3-го поселеннаго баталіона, вырвала его изъ страшныхъ тисковъ, чего менѣе счастливые дождались лишь три года спустя послѣ ряда бунтовъ, когда, наконецъ, послѣдовало коренное преобразованіе поселеній.

Въ январѣ 1829 года 3 баталіонъ причисленъ былъ къ составу резервныхъ войскъ пѣхоты г. л. графа Витта, въ резервную дивизію 5 пѣхот. корпуса, состоящую въ командованіи г. м. Гартунга, и 3 марта выступилъ въ село Буромно, Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, имѣя въ рядахъ: 1 штабъ-оф., 9 оберъ-офицеровъ, 67 унтеръ-офицеровъ, 23 музыканта, 309 рядовыхъ, 163 рекрута, 7 кантонистовъ, 52 нестроевыхъ и 16 лошадей.

Подвигаясь далѣе къ западу, во вторую линію войскъ дѣйствующей арміи, 3-й баталіонъ послѣ 2-хъ мѣсячной остановки въ с. Янковычи, Кіевской губерніи, вступилъ въ городъ Кіевъ.

Между тѣмъ, успѣшныя дѣла наши на театрѣ военныхъ дѣйствій усложнились страшнымъ бичемъ Божіимъ, заразною болѣзнію,

чумою, которая съ невѣроятной силой стала распространяться среди войскъ, находящихся въ Турціи.

Квартируя попеременно то въ Кіевѣ, то въ его окрестностяхъ, 3-й баталіонъ призванъ былъ, наконецъ, для борьбы, но не съ турками, а съ болѣзнію—съ чумою.²¹

Выступивъ изъ Кіева въ началѣ сентября, 3-й баталіонъ направился въ Каменецъ — Подольскую губернію и въ Балтскомъ повѣтѣ, селѣ Выквитанцѣ, основалъ свою квартиру, выставивъ карантинный кардонъ по рѣкѣ Днѣстру: 3 гр. роты въ с. Роговѣ, 7 мушк. въ с. Бѣловѣ, 8-я въ с. Катериновѣ, 9-я въ мѣстечкѣ Рязковѣ. Всего на кардонѣ отъ баталіона находилось: 2 штабъ-офицера, 11 оберъ-офицеровъ, 79 унт.-офицеровъ, 21 музыкантъ и 388 рядовыхъ. Въ командованіе баталіономъ въ то время вступилъ, вмѣсто маіора Веффеля Бѣлевскаго резервнаго баталіона, маіоръ Тимаховичъ; маіоръ Веффель перешелъ на его мѣсто въ Бѣлевскій баталіонъ.

Такова была внѣшняя сторона полковой жизни къ началу 1830 года. Что же касается внутренняго быта Рязанцевъ, свѣдѣній почти что не имѣется. Впрочемъ нѣкоторый свѣтъ на эту сторону дѣла проливаютъ дошедшіе до насъ остатки приказнаго журнала 15 пѣхотной дивизіи за 1830 годъ. Закрывающіеся въ немъ данные настолько характерны, а общія условія службы Рязанскаго полка времени Императора Николая I-го такъ монотонно однообразны, что свѣдѣніями этими можно обрисовать вполне весь длинный періодъ, начиная съ 20-хъ годовъ вплоть до Восточной войны 1853—1855 г.г., когда рухнула, наконецъ, вся система муштровки. Первымъ и самымъ главнымъ поводомъ частаго посѣщенія Москвы, какъ мы уже знаемъ, было содержаніе карауловъ. При тогдашней истинно нѣмецкой педантичной точности въ исполненіи многословныхъ уставныхъ правилъ гарнизонная служба являлась дѣломъ весьма не легкимъ. Отъ развода къ разводу, отъ смѣны до заступленія въ карауль, тоскливо проходило время въ Москвѣ, нарушаясь только грозными приказами за малѣйшее упущеніе.

5-го марта на разводѣ отъ 2-го баталіона начальникъ дивизіи г. м. Фрикенъ замѣтилъ большое шевеленіе во фронтѣ между нижни-

ми чинами, причемъ особенное вниманіе обратилъ на себя унтеръ-офицеръ 6 роты Михаилъ Новиковъ, который, говорилось въ приказѣ,²² несмотря на то, что стоялъ въ виду начальства, послѣ команды «смирно» оборотился почти палъво кругомъ. Только принимая во вниманіе прежнюю добропорядочную службу, Новиковъ отдѣлался 50 ударами палокъ передъ прочими унтеръ-офицерами и въ примѣръ имъ.

Вообще на разводы обращалось большое вниманіе; готовились къ нимъ весьма серьезно, а репетиціи происходили по два раза въ день, что вызывало даже запрещеніе начальства. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, мы узнаемъ, что при каждомъ разводѣ отъ полка наряжался одинъ вѣстовой съ шанцевымъ инструментомъ. Въ караулѣ заступали въ старыхъ мундирахъ, имѣя шинели скатанными. «Концовъ шинелей отнюдь не сшивать, читаемъ въ приказѣ, а офицерамъ, когда шаги въ ножнахъ, при прохожденіи начальства прикладывать правую руку къ киверу.» Служба въ караулѣ требовала большого напряженія. Не говоря уже о важныхъ отвѣтственныхъ постахъ въ столицѣ, присутствіе вышлага начальства тоже кое-что значило. Хотя выставленные въ различныхъ мѣстахъ по улицамъ махальные, казалось, могли своевременно извѣщать о проѣздѣ то командира корпуса, то коменданта и т. д., но все же часто приключалась бѣда. Проѣзжаетъ махальный—не во время станеть караулъ въ ружье. Такъ и случилось съ прапорщикомъ Эйсемендомъ въ караулѣ 1 марта на гауптвахтѣ комиссіи Московскаго Комиссаріатскаго депо. Караулъ, хотя и сталъ въ ружье для встрѣчи командира, но торопливо, въ безпорядкѣ, за что прапорщикъ Эйсемендъ арестованъ на однѣ сутки, да назначенъ не въ очередь на три наряда.

Кромѣ обыкновенныхъ постовъ въ городѣ, у всѣхъ шлагбаумовъ Москвы наряжались особые караулы для допроса проѣзжающихъ. Унтеръ-офицеръ во всей боевой амуниціи, но безъ ружья останавливалъ всѣхъ проѣзжающихъ и отъѣзжающихъ изъ города словами: «имѣю честь спросить кто ѣдетъ и откуда, или же куда ѣдетъ.» Видно и тамъ выходили недоразумѣнія, такъ какъ начальникъ дивизіи въ особомъ приказѣ требовалъ обращаться съ проѣзжими, какъ прилично солдату.

Вообще разсматривая приказы того времени, можно вывести самое невыгодное впечатлѣніе о состояніи войскъ, до такой степени они

переполнены замѣчаніями о безпорядкахъ. Необходимо, однако, не упускать изъ виду господствовавшего своеобразнаго взгляда на службу, когда на разность смотрѣли какъ на рычагъ для достиженія совершенства въ муштровкѣ.

Чрезвычайно интересные вопросы, какъ проводилось время свободное отъ службы, какія развлеченія доставлялись солдату,—остаются открытыми, за то встрѣчаемъ замѣчанія, которые характеризуютъ внутренній бытъ съ самой скверной стороны. Такъ, проѣзжая 9 марта мимо Хамовническихъ казармъ, начальникъ дивизіи замѣтилъ, что послѣ вечерней переклички въ харчевняхъ и питейныхъ домахъ находилось «довольное число нижнихъ чиновъ 1 бригады.»²³ Отсюда выводъ: въ ротахъ не дѣлается переклички, а у казарменныхъ воротъ не выставляются часовые. Было ли такъ въ дѣйствительности? Но съ другой стороны извѣстно, что входъ въ питейные дома еще съ 1819 года строго воспрещался закономъ, а содержатели трактировъ подвергались отвѣтственности, впуская въ свои заведенія солдатъ. Но не проще ли было запретить открывать харчевни близъ казармъ, или же по крайней мѣрѣ не допускать размноженія ихъ въ такомъ большомъ количествѣ, какъ это имѣло мѣсто у Хамовническихъ казармъ. Наряду съ подобными грустными фактами встрѣчаемъ и болѣе отрадныя явленія. Рядовой Прокофій Ивановъ, находясь на часахъ у входа въ залъ Опекунскаго совѣта еще въ прошломъ 1829 году, представилъ найденный имъ на лѣстницѣ бумажникъ со ста рублями. Пока шли публикаціи въ газетахъ, по истеченіи же годоваго срока, за неявкой владѣльца, деньги были выданы Иванову, а похвальный его поступокъ объявленъ во всѣхъ ротахъ дивизіи.²⁴

Но не на одну лишь караульную службу приходилось обращать вниманіе.

Съ марта стали прибывать въ полкъ рекруты, набранные по 94 набору изъ Бурской, Пермской и Могилевской губерній. Различными партіями по 15 апрѣля включительно прибыло ихъ въ полкъ 160 человекъ.

Но это, такъ сказать, законно, въ свое время поступившіе, сданные же въ войска за преступленія по приговору обществъ продолжали поступать въ теченіе цѣлаго года.

Послѣдніе въ особенности требовали бдительнаго за ними надзора въ предупреденіе побѣговъ. Какъ рекруты, такъ и сданные въ полкъ за преступленія поручались старымъ и хорошаго поведенія солдатамъ, которые обязаны были имѣть надлежащій за ними приглядъ, а въ случаѣ побѣга подвергались строгой отвѣтственности.

Несмотря, однако, на все мѣры не было того мѣсяца, чтобы отчетная графа о бѣжавшихъ оставалась пустая. Въ апрѣлѣ число ихъ дошло до 8 чел.; въ февралѣ было 3 побѣга, а въ мартѣ одинъ.

Какъ характерный образчикъ тогдашняго приѣма рекрутъ и отношенія къ дѣлу приставленныхъ къ тому лицъ можетъ служить слѣдующій поступокъ прапорщика Эренса.²⁵ Прапорщикъ Эренсъ переведенъ былъ въ полкъ изъ Кіевского внутренняго гарнизоннаго баталіона. Препровождая партію кантонистовъ рекрутъ изъ евреевъ во 2-й учебный Карабинерный полкъ, Эренсъ на пути въ Черниговъ остановился на станціи Мглинскаго кагала, въ селѣ Седневѣ. Тамъ къ нему явился 14-лѣтній еврей Иоскель Хаскинъ и изъявилъ желаніе поступить на службу. Эренсъ принялъ его, обмундировалъ на свой счетъ и доставилъ въ Москву вмѣстѣ съ прочими рекрутами. Пожалуй, этимъ дѣло бы и кончилось. Но на бѣду общество Мглинскаго кагала потребовало выдачи ему зачетной квитанціи. Хаскина освидѣтельствовали и нашли его къ службѣ совершенно негоднымъ, какъ буквально изъѣденнаго венерическими язвами. Конечно, еврей былъ возвращенъ обществу обратно, а прапорщикъ Эренсъ отдѣлался строжайшимъ замѣчаніемъ за принятіе рекрута въ партію, не имѣя на то ни отъ кого предписанія и дозволенія.

Замѣчательно, что Эренсъ совершилъ проступокъ на законномъ основаніи. Приѣмъ изъѣденнаго язвами еврея, за котораго начальникъ надѣялся получить зачетную квитанцію, произошелъ въ присутствіи дворянскаго чиновника Мглинскаго повѣта, Глуховецкаго.

Между тѣмъ, обыденная жизнь полка вскорѣ должна была разрушиться. Москва ожидала приѣзда Императора Николая. Все зашевелилось. 7 марта узнали Рязанцы, что черезъ два дня, т. е. 9 числа Государь Императоръ будетъ смотрѣть полкъ въ экзерциргаузѣ. Наканунѣ, 8 марта, начальникъ дивизіи въ 7 часовъ утра произвелъ репетицію смотра.

Кому неизвѣстна требовательность Государя по части фронтовой службы, Его строгое отношеніе къ малѣйшимъ отступленіямъ отъ правилъ устава. Императоръ былъ неумолимъ въ такихъ случаяхъ. Съ трепетомъ поэтому ожидало высшее начальство Державнаго Императора. Въ полку шли усиленные занятія, немало времени посвящено на пригонку амуниціи, которая безъ всякихъ отступленій должна была быть сходной съ утвержденными образцами. Необходимость вывести на смотръ большое число рядовъ составляло также немаловажное затрудненіе; на это обращалось большое вниманіе и самымъ настойчивымъ образомъ требовало начальство. Рекруты послѣдняго набора въ строй не входили, а имѣли находиться лишь въ полной готовности предстать передъ Царемъ по первому требованію, даже въ рекрутской одеждѣ, если не успѣютъ ихъ обмундировать.

Много хлопотъ выпало на долю командира полка и, какъ кажется, не увѣнчались они полнымъ успѣхомъ.

Во время церемоніальнаго марша, отмѣчено въ приказномъ журналѣ, не только рядовые, но и унтеръ-офицеры шли не въ ногу. а унтеръ-офицеръ Павелъ Улановъ, сбившись съ ноги, обратилъ на себя вниманіе даже корпуснаго командира и не лишился галуновъ только благодаря долговременной и безпорочной его службѣ. По части обмундированія тоже обошлось не хорошо. Особенно обращено вниманіе: плохая пригонка амуниціи и сѣверная одежда штрафованныхъ, которые были вызваны Государемъ изъ фронта. Все это поставлено на видъ командиру полка—«впредь же, писалъ въ приказъ начальникъ дивизіи, я вынужденъ буду взыскивать на строжайше съ частныхъ начальниковъ также и за то, ежели впредь во фронтѣ поставлены будутъ люди, не знающіе своего дѣла, ибо солдатъ, поставленный во фронтъ, во всей амуниціи долженъ непремѣнно быть обученнымъ правиламъ ему подлежащимъ.» Но ошибки вездѣ возможны; не ошибается тотъ кто ничего не дѣлаетъ. Такъ и взглянулъ на дѣло Русскій Царь и не оставилъ безъ милостей дѣтей своихъ.

По непосредственному выбору Государя рядовые Илья Орловъ, Федоръ Унфинцовъ и Данилъ Федоровъ опредѣлены въ гвардію. Ра-

довались и служащіе въ полку бывшіе Семеновцы, переведенные за бунтъ; они удостоились прощенья. Прошло почти 10 лѣтъ со времени похвальнаго событія, а все же Царскою милостію воспользовались еще Федоръ Томашенко, Евдокимъ Ивановъ, Василій Тащенко, Федоръ Спраевъ, — Государь обратно перевелъ ихъ въ гвардію. Какъ выбранные, такъ и бывшіе Семеновцы отпращены въ С.-Петербургъ Рязскаго полка прапорщикомъ Леонтьевымъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено изучить правила образцовой пригонки амуниціи на унтеръ-офицеровъ.

Какъ видно, Леонтьевъ удачно выполнилъ порученіе и въ первой бригадѣ дѣло это въ полѣ было твердо налажено, по крайней мѣрѣ распоряженіемъ начальника дивизіи завѣдывающей учебной командой Рязанскаго полка, маіоръ Берлинскій, командировалъ въ полки 2-й и 3-й бригады одного унтеръ-офицера и 2-хъ рядовыхъ, образцово обмундированныхъ для обученія правилъ пригонки. Между тѣмъ съ наступленіемъ весны приближалось время выступленія на государственныя работы.

Недѣли за двѣ до выступленія отданъ приказъ, опредѣляющій внутренній порядокъ въ частяхъ войскъ на работахъ. Для избѣжанія порчи мундирной одежды повелѣно шить холщевыя куртки изъ экономическаго подкладочнаго холста, которыя и одѣвать на работахъ. Обращено также вниманіе на мѣры, клонящіяся къ сбереженію здоровья, «причемъ въ которомъ полку будетъ менѣе больныхъ, писалъ начальникъ дивизіи, тѣмъ болѣе будетъ это отнесено къ дѣятельности и попеченію начальства.»

Съ прибытіемъ на работы должно было начаться серьезное обученіе рекрутъ, для чего при полковомъ штабѣ образована особая учебная команда.

Задача, поставленная этой командѣ, была слѣдующая:²⁶ въ теченіе лѣтнихъ работъ довести рекрутъ до такого совершенства, чтобы послѣ возвращенія полка съ работъ не было ни одного человѣка подъ именемъ рекрута, а сего весьма легко достигъ можно, принявъ совершенныя мѣры. Остающимся отъ работъ людямъ производится ежедневно стрѣльба въ учрежденныя мишени, а застрѣльщикамъ раз-

сыпной строй и восьмирядное учение. Одновременно съ полковой учебной командой формировалась учебная команда при дивизионной квартирѣ. Въ составъ дивизионной команды назначень отъ полка одинъ лучший оберъ-офицеръ и отъ каждой роты по одному рядовому въ качествѣ учителей и по 4 рекрута. Люди эти должны были явиться въ г. Клинь со всей боевой амуницией, туда же полкъ обязанъ былъ выслать по 5 руб. на человѣка изъ экономическихъ суммъ на продовольствіе.

Дивизионная команда въ вѣдѣніи маіора Берлинскаго составляла предметъ особой заботливости генерала Фрикена. Какія ей были даны указанія, программы обученія—неизвѣстно. Изъ сохранившихся указовъ видно только, что во время общихъ инспекторскихъ смотровъ въ іюль г. м. Фрикень остался очень недоволенъ командой: стойка несовершенно выправлена, равенія нѣтъ, ружейные приемы не уравнены, во фронтѣ шумъ и разговоръ. Маіоръ Берлинскій отдѣлался на первый разъ строгимъ выговоромъ, въ будущемъ обѣщано поступить съ нимъ строже.

Приготовленія къ выступленію на работы не помѣшали, однако, начальнику дивизіи производить смотры.

Такъ, въ апрѣлѣ 12 и 16 числа осмотрѣны роты: 2-я гренадерская, 2-я, 5-я и 6-я мушкатерскія. Результаты смотра опредѣляются слѣдующимъ; 2-я гренадерская рота обучена слабо, людей въ строй выведено мало; ременные вещи нехороши; о недостающихъ вещахъ вѣдомости и рапорта нѣтъ. 2-я мушкатерская слаба въ ученіи, не хорошо одѣта, амуниция пригнана дурно, у одного солдата на штиблетѣ кожаная пуговица и ременные вещи нехороши; 5-я рота довольно чисто одѣта и изрядно обучена, кромѣ нѣкоторыхъ рекрутъ, поступившихъ на службу въ 1828 году; 6-я рота—строевой рапортъ не подписанъ ротнымъ командиромъ, въ вѣдомости объ оружейныхъ и амуничныхъ вещахъ не выставлено, сколько на нестроевыхъ состоятъ панталонъ и показано, что пуль съ патронами поступило только 4; рота одѣта и обучена изрядно, только панталоны у нижнихъ чиновъ не ровны, ибо у однихъ видны на штиблетахъ 3—4 пуговицы, а у другихъ ни одной; кивера довольно помяты и изношены; ременные вещи не хороши; вѣдомости недостающимъ вещамъ нѣтъ; таковъ весь сводъ замѣчаній.

За такое слабое состояніе ротъ ш.-капитану Апарьеву объявлено, что начальникъ дивизіи надѣется на него, какъ на усерднаго офицера. Подпоручику Горяинову за найденную на штиблетѣ ко-
стяную пуговицу объявленъ выговоръ и не въ очередь одинъ разъ дежурнымъ по работамъ. Выговоръ получилъ и командиръ 1 баталіона майоръ Протопоповъ. Подпоручику Филитову объявлено, что нужно заняться обученіемъ рекрутъ и лучшей пригонкой амуниціи, «въ чемъ остановки быть не можетъ, по усердію его господина Филитова.» Подпоручику Семольницкому поставлено на видъ неподписанія вѣдомости и другія упущенія.

Смотромъ этимъ закончилось пребываніе въ Москвѣ въ 1830 году. Сдавъ караулъ полкамъ 13 дивизіи, выступили Рязанцы изъ Москвы 8 апрѣля, а 22 числа стали лагеремъ близъ деревни Солнечная-Гора, Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, затѣмъ разошлись для работъ по участкамъ.

Величина и расположеніе рабочихъ участковъ намъ неизвѣстны. Только изъ приказовъ объ осмотрѣ ротъ узнаемъ, что 1-я мушкетерская рота ш.-капитана Ляпунова и 4-я поручика Денисовича квартировали въ деревнѣ Мошница.

«Несмотря на то, что въ 1-й ротѣ люди лучше, говоритъ генералъ Фрикенъ, она хуже 4-й; въ обѣихъ же ротахъ заняться лучшей пригонкой амуниціи, въ особенности же ранцевъ, ремни которыхъ провести по шеренгамъ въ одинъ калиберъ, а то ремни разной ширины безобразятъ фронтъ.» Смотры эти по всей вѣроятности составляли продолженіе начатыхъ, но еще не оконченныхъ смотровъ въ Москвѣ.

При расположеніи частей полка по деревнямъ въ каждой изъ нихъ должны были находиться дежурные и дневальные. На обязанности первыхъ лежало встрѣчать рапортомъ приѣзжающихъ высшихъ начальниковъ. Въ полковомъ штабѣ имѣлись всегда въ готовности ординарецъ и вѣстовой, которые, въ случаѣ объѣзда корпуснаго командира, по первой о томъ вѣсти встрѣчали его съ командиромъ полка у ближайшей деревни и сопровождали по всей дистанціи полковыхъ работъ. Сверхъ того наряжались дежурные по работамъ офицеры въ сюртукахъ и киверахъ съ чехлами.

Особенное вниманіе обращено на обхожденіе съ огнемъ. Для хлѣбопекаренъ жителямъ было предоставлено самимъ указывать мѣста; пейхгаузы и патроны помѣщались въ возможно дальнемъ отъ жилья Разстояніи; лазареты устраивались не въ избахъ, а въ отдѣльныхъ сараяхъ, ибо помѣщеніе больныхъ, а паче трудно больныхъ, въ избахъ на случай пожара, отъ чего Боже сохрани, весьма опасно, говорится въ приказѣ.²⁷

Здоровье людей составляло тоже не послѣднюю заботу: въ сырое время отпускалаь особая дача вина, а на работахъ въ болотистыхъ мѣстахъ при рубкѣ и тасканіи лѣса, приказано по возможности класть доски или жерди, «по коимъ люди, не мочивъ ногъ, ходить бы могли.» Число людей на работы отъ полковъ дивизіи назначалось по возможности ровное, а именно отъ 1-й бригады 1000 человекъ отъ 2-й по 800 челов. Впослѣдствіи послѣ окончанія обученія рекрутъ и осмотра построекъ имѣлось въ виду назначать больше рабочихъ, «дабы запасть экономическою суммою.» Но уже 23 мая для уравненія въ успѣшнѣйшемъ обмундированіи и обученіи разрѣшено въ 1-й бригадѣ наряжать отъ полковъ по 800 человекъ. «Надѣюсь въ семъ случаѣ, писалъ начальникъ дивизіи, что всѣ вообще полки примутъ мѣры представиться въ лучшемъ видѣ на инспекторскомъ смотрѣ, а по окончаніи всѣхъ построекъ примутъ мѣры къ успѣшной работѣ канала и шоссе прибавленіемъ, сколько возможно будетъ, людей.» Облегченіе это недолго продолжалось. Командиръ нашей 1-й бригады г. м. баронъ Фридериксъ вошелъ съ представленіемъ, что увеличеніе впослѣдствіи числа рабочихъ не окажетъ вліянія на ходъ работъ, такъ какъ инструмента не хватитъ. Въ виду этого полку приказано съ 13 іюня высылать на работы вновь по 1 т. человекъ.

Съ выступленіемъ полка на работы улучшилось его санитарное состояніе; въ первомъ же мѣсяцѣ число больныхъ стало замѣтно меньше.

Жизнь по деревнямъ, внѣ казарменной обстановки, постоянное движеніе не могли не оказать благотворнаго вліянія. Съ другой же стороны, такое приволье увеличило число побѣговъ. Цифра 79 бѣжавшихъ изъ дивизіи за май довольно почтенная,—Рязанскій полкъ

доставилъ на этотъ разъ 13 ч. Безспорно бѣжавшіе составляли самый худшій элементъ полка, но съ другой стороны побѣги людей съ ружьями, патронами и тесаками наводятъ и на другія размышленія.

Случаи эти вызвали приказъ: не довѣрять ружей бродягамъ и рекрутамъ и послѣ ученія отбирать ихъ и хранить въ особыхъ амуничникахъ. Нечего говорить, насколько это приказаніе могло быть въ точности выполняемо. Число побѣговъ стало особенно замѣтно въ первыя недѣли по приходѣ на работы. Такъ, на примѣръ, въ теченіе трехъ дней мая 2, 5 и 9 чиселъ, бѣжало 7 ч. рекрутъ. Затѣмъ число бѣжавшихъ все увеличивается и за Іюнь и Іюль достигаетъ 19.

Только съ уходомъ полка съ работъ и расположеніемъ по казармамъ число бѣжавшихъ сразу падаетъ, въ сентябрѣ на 50⁰/₀, а въ октябрѣ оно составляетъ всего 3 человѣка.

«Убѣждаю гг. полковыхъ командировъ принять всевозможныя мѣры къ уменьшенію побѣговъ, писалъ Г.-М. Фриккенъ, и тѣмъ показать истинное усердіе къ службѣ, а меня поставить въ пріятную обязанность довести объ усердіи ихъ до свѣдѣнія высшаго начальства, чего я теперь не имѣю права дѣлать по черезмѣрной отлучкѣ нижнихъ чиновъ и смертности въ полковыхъ лазаретахъ; въ послѣднемъ, быть можетъ, виновны болѣе полковые медики, то о нерадивыхъ представить мнѣ, когда, гдѣ таковыя окажутся.»

Неудивительно поэтому, что полковое начальство скрывало побѣги до послѣдней возможности, надѣясь на какой либо благопріятный случай. Конечно, подобный маневръ рѣдко удавался и вызывалъ репрессивныя мѣры со стороны начальства. Такъ, на примѣръ, за скрытіе на инспекторскомъ смотрѣ 2-хъ бѣжавшихъ командиру полка объявленъ выговоръ, а полковой адъютантъ подпоручикъ Разышной попалъ подъ арестъ. Не избѣгли горькой участи и медики: такъ, штабъ-лѣкаръ Левинцовъ арестованъ на одни сутки за то, что, найдя 2-хъ рядовыхъ, пришедшихъ въ лазаретъ, съ притворной болѣзною, отправилъ ихъ въ роту безъ присмотра, а они по дорогѣ бѣжали.

Вообще побѣги изъ лазарета бывали весьма часты, но это зависѣло прямо отъ большой тамъ свободы.

Если смотреть на побѣги съ точки зрѣнія состоянія дисциплины въ частяхъ, то выводъ получится весьма неблагопріятенъ. Правда, что главную массу бѣжавшихъ составляли люди завѣдомо порочные, но съ другой стороны быть русскаго солдата тѣхъ временъ былъ очень непріятенъ. Никто не заботился объ его умственномъ развитіи. При опредѣленіи наказанія начальникъ ничѣмъ не былъ стѣсненъ, отсюда дикій произволъ и частыя явленія безпощадной жестокости. Преступленія слѣдовали одно за другимъ и мало помогало распоряженіе, чтобы рекруты присутствовали при экзекуціяхъ шпицрутенами. Дисциплина, основанная на страхѣ наказанія, не могла быть прочной.

Случаевъ членовредительствъ въ полку встрѣчается немного. Почти за весь 1830 годъ въ приказахъ встрѣчаемъ одинъ случай, когда рядовой изъ рекрутъ Федоръ Юрьевъ, дѣлая терку для ружья, отрубилъ себѣ большой палецъ лѣвой руки, что вызвало приказаніе, дабы всѣ необходимыя нижнимъ чинамъ деревянныя вещи изготовлялись въ полковой мастерской. Раньше этого, въ 1829 году, предписано во избѣжаніе отрубокъ пальцевъ, рекрутамъ никакихъ рукодѣлій для ружья не дѣлать, а исполнять таковыя старымъ солдатамъ. На работахъ ротные лагеря въ ночное время оцѣплялись цѣпью часовыхъ ради прекращенія побѣговъ. По субботамъ работы не производились. День этотъ посвящался до обѣда пригонкѣ амуниціи, а затѣмъ отдыху и банѣ.

Въ теченіе недѣли рекрутамъ и свободнымъ отъ работъ нижнимъ чинамъ ежедневно по одному разу ученіе, съ лѣнивыми же по два раза и сверхъ того по субботамъ они выводились на работы и вырученныя за субботній день деньги распредѣлялись между всѣми чинами полка и «для поправки ихъ надбностей.»

Въ теченіе мая командиръ 4-го корпуса, генералъ лейтенантъ Савонинъ, произвелъ осмотръ полкамъ 15-й дивизіи, находящейся на государственныхъ работахъ.

И въ этомъ случаѣ не посчастливилось Рязанцамъ. Учебная команда изъ рекрутъ найдена весьма слабо обученной и скверно обмундированной. Юнкера, состоящіе при дивизионной командѣ, прошли

церемониальнымъ маршемъ хуже рекрутъ. За рекрутъ серьезно долженъ былъ приняться нашъ майоръ Берлинскій, въ особенности по части обученія учебному шагу и ружейнымъ приемамъ, «пбо они обязаны знать всѣ правила для обученія впоследствии довѣряемыхъ имъ людей.»

Воснувшись вопроса о подготовкѣ юнкеровъ, будущихъ офицеровъ, посмотримъ, каковы были эти офицеры и что отъ нихъ требовалось. Всѣ познанія по экзаменамъ ограничивались исключительно узко фронтовой службой, подавляющей всякій самостоятельный починъ, убивающей все возвышенное и, въ концѣ концовъ, превращающей русскаго офицера—въ капрала времени Фридриха Великаго. Требования въ этомъ отношеніи доведены были до педантизма, въ особенности начальниками изъ пѣмцевъ.

Теоретическое знаніе офицеровъ, провѣряемое ежемѣсячно, опредѣлялось отмѣтками: слабо, посредственно, изрядно и твердо. Въ числѣ слабыхъ приказъ отмѣчаетъ особенно часто прапорщиковъ: Кафтырева, Аврамова и подпоручика Эренса.

Несмотря на частыя повѣрки и угрозы объ исключеніи изъ службы, дѣло обученія не подвигалось и вотъ въ маѣ мы видимъ, что офицеры съ отмѣткой «слабо» собраны при полковомъ штабѣ, гдѣ подъ личнымъ руководствомъ командира полка доводятся во всѣхъ отношеніяхъ къ познанію фронтовой службы. Но не помогали угрозы и заботы начальства. 18 ноября грянулъ громъ и 22 офицерамъ предложено было подать въ отставку въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Не подавшіе до 1 января 1831 года должны были быть уволены въ дисциплинарномъ порядкѣ.²⁸

Конечно, ничего подобнаго случиться не могло. Нельзя же было увольнять отъ службы чуть ли не половину офицерскаго состава. Впрочемъ, грозный приказъ нашелъ выходъ, предоставляя бригаднымъ командирамъ оставлять офицеровъ, подающихъ надежду къ достиженію требуемой начальствомъ цѣли.

Служебныя требованія, кромѣ общей характеристики, данной неоднократно выше, довольно подробно разъясняются сводомъ замѣчаній начальника дивизіи на лѣтнемъ инспекторскомъ смотрѣ. Смотръ

этотъ, къ которому полкъ усердно готовился еще въ началѣ мая, состоялся, наконецъ, 27 іюня. Предварительная репетиція смотра и инспекторскія бумаги пробѣрены были бригаднымъ командиромъ.²⁹

Замѣчанія коснулись всѣхъ отраслей полкового хозяйства и строевого образованія, но на первомъ планѣ поставлены обмундированіе и пригонка амуниціи.

Итакъ, узнаемъ, что въ полку кивера помяты и сукно на нихъ протерто. «Хотя изъ нихъ 1037 выслуживаютъ срокъ къ 1 января 1831 года, т. е. черезъ 6 мѣсяцевъ, но слѣдуетъ ихъ поправить, чтобы они не портили для глаза фронта, притомъ слѣдуетъ ихъ пригнать по головамъ, а ренейки всѣ построить новые», сказано въ приказѣ.

Большая часть портупей и перевязей въ полку худыя. Хотя 1223 портупей и 833 перевязи выслуживаютъ свой срокъ черезъ 6 мѣсяцевъ, но слѣдуетъ обратить на сбереженіе ремней особенное вниманіе. У патронныхъ сумъ, кромѣ 2-й гренадер. роты, не пришиты ремешки для застегиванія крышекъ. Нашлись сумы наглухо застегнутыя мочалками и веревками. Гренады придѣланы не на ремешкахъ, а на палочкахъ. Ефесы тесаковъ не уровнены съ краями сумъ. Ружья въ исправности, кромѣ нѣкоторыхъ, съ большими рябинами отъ ржавчины, согнутыми штыками и расколотыми ложами.

Далѣе сказано въ приказѣ, что ружья, которыя не отбиваютъ, должно смазывать замки, а людей выучить ввертывать кремни.

Въ 5 мушкетер. ротѣ штыковыя ножны пристегнуты къ портупеямъ веревочками. Мундиры въ полку прежней постройки довольно поношены и хотя имъ оканчивается срокъ, но надо сберегать лучше, дабы къ смотрамъ оныя были въ хорошемъ видѣ.

Далѣе говорится, что въ полку не имѣется большого числа чехловъ на кивера, сумъ и султановъ. Второй сапожный товаръ не выданъ и рубашки для солдатъ не сшиты. Полковой лазаретъ устроенъ очень хорошо; больныхъ оказалось 24 ч., а въ околоткѣ 45. Зато лазаретныхъ вещей много не достасть, а имѣющіяся пришли въ ветхость.

При повѣркѣ артельныхъ сумъ замѣчена неправильность въ записываніи по вѣдомостямъ, а равно значительное количество на-

лячныхъ денегъ въ ротныхъ ящикахъ. На будущее время предписано не имѣть въ ротахъ болѣе ста рублей, а остальные деньги отправлять въ ломбардъ для приращенія процентовъ.

Во времени смотра состояло арестованныхъ 19 человекъ, въ томъ числѣ 3 ч. за первый побѣгъ и одинъ по подозрѣнiю въ кражѣ. Что касается письменныхъ дѣлъ, то ими слѣдуетъ болѣе заняться, сказано въ приказѣ, ибо журналы совершенно запущены, равно и денежная комиссаріатская книга для записыванія жалованія найдена съ ошибками и подчистками.

Конская упряжь требуетъ перемѣны, равно и шанцевый инструментъ. Подъемныя лошади хороши, но до штата не достаетъ двухъ. Десятидневный провіантъ состоитъ не въ сухаряхъ, а въ мукѣ. Сапоги построены не по образцамъ, въ виду чего приказано одну пару сапогъ прислать начальнику дивизіи для утвержденія. Нѣкоторые нижніе чины носятъ въ ушахъ серьги, сіе запретить. Мастеровыхъ въ полку весьма мало. Денщикамъ запретить носить партикулярную одежду. Роты на смотрѣ выведены въ 20-рядномъ составѣ, что чрезвычайно мало. Выправка людей недостаточна, ружейные приемы въ полковомъ ученіи изрядны, кромѣ заряжанія, которое производилось безъ счету, а особенно при заряжаніи безъ команды съ порохомъ. Баталіонные командиры командовали врозь. Пальба требуетъ усовершенствованія особенно рядами, ибо огонь очень рѣдокъ и заряжаніе въ семь случаевъ вяло.

Построенія и движенія вялы и съ ошибками. Унтеръ-офицеры, выбѣгающіе на линію, дѣла своего не знали. Церемоніальный маршъ изряденъ, но шагъ малъ, корпусомъ не подаются впередъ и руками машутъ.

При пальбѣ въ цѣль полкъ выпустилъ 336 пуль съ дистанціи 180 и 200 шаговъ, попало пуль 64. Замѣчено при стрѣльбѣ много вспышекъ и осѣчекъ.

«Надѣюсь, говорилъ г. м. Фрикенъ, что стрѣльбою, какъ важною для солдата наукою, усерднѣе займутся въ полкахъ.»

Стрѣлковое ученіе не доведено до той степени, какой требуетъ начальство.

Рекруты обучены съ примѣрнымъ успѣхомъ, за что завѣдывающій рекрутской командой подпоручикъ Макалинскій удостоенъ благодарности.

Подведя итогъ замѣчаніямъ начальника дивизіи, впечатлѣніе получается весьма неблагопріятное, особенно по состоянію хозяйства въ полку. Здѣсь же встрѣчаемъ интересное заключеніе г. м. Фрикена: «неисправность Рязанскаго полка по внутреннему устройству я отношу къ неполученію подполковникомъ Ганкевичемъ, той суммы, которая надлежитъ за сдачу полка. Впрочемъ, какъ сумма сія извѣстно будетъ выслана, а потому стараться по мѣрѣ возможности приводить въ порядокъ, въ чемъ остаюсь увѣренъ.» Что касается строевого образованія, то мы видѣли, въ чемъ оно заключалось. Хотя есть замѣчанія на стрѣльбу и такъ называемое стрѣлковое ученіе, но надъ всѣмъ этимъ преобладала муштровка.

На упражненія стрѣльбы въ цѣль отпускалось 3 патрона на человека, но и ихъ не выдавали. Ружья были никуда не годныя, испорченныя безтолковою чисткою, съ погнутыми стволами и не дѣйствующими замками. Щегольствомъ былъ частый батальный огонь изъ развернутаго фронта.

Въ стрѣлковомъ ученіи преобладали опять таки внѣшній видъ и стройность.

Во времени пребыванія полка на работахъ слѣдуетъ отнести слѣдующій, хотя и незначительный, но достойный быть отмѣченнымъ фактъ: зачисленіе въ полкъ семи человека непризнанныхъ дворянъ Рязанской губерніи.³⁹ До представленія ими документовъ о происхожденіи они числились вольноопредѣляющимися и могли быть произведены въ унтеръ-офицеры. По выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ, умѣющихъ грамотъ дозволено произвести въ офицеры. Тогда же отданъ приказъ, запрещающій командирамъ полковъ самовольно смѣщать и перемѣщать ротныхъ командировъ безъ свѣдѣнія начальника дивизіи, «желая болѣе обратить вниманіе на сей довольно важный постъ, предписываю г.г. полковымъ командирамъ перемѣну ротныхъ командировъ дѣлать не иначе, какъ съ утвержденія моего», писалъ г. м. Фрикентъ.

Между тѣмъ, наступилъ срокъ окончанія государственныхъ работъ. Съ 16 августа полкъ сталъ готовиться къ выступленію на контоинирь-квартиры въ Тульскую губернію. Не мало времени занялъ окончательный расчетъ съ инженернымъ вѣдомствомъ о заработочныхъ деньгахъ, представленіе о томъ свѣдѣній въ штабъ дивизіи, сдача инструментовъ инженерному и гражданскому вѣдомствамъ. Къ концу августа расформирована была дивизионная учебная команда, откуда люди стали прибывать въ полкъ. Ко многимъ хлопотамъ, неизбежнымъ съ передвиженіемъ полка на значительное разстояніе, прибавились еще смотръ корпуснаго командира и командировка команды въ образцовый полкъ въ С.-Петербургъ. Относительно перваго свѣдѣній сохранилось немного. Извѣстно только, что смотръ состоялся 24 августа и на немъ произведенъ за отличное знаніе службы 2 мушкетерской роты рядовой Михаилъ Сладковскій въ ун.-офицеры. Тогда же г. л. Савонинъ приказалъ перевести изъ музыкантскаго хора въ строй рядового изъ дворянъ, Николая Леера, отданнаго на службу по суду, ибо, какъ сказано въ приказѣ, «опредѣленнымъ за наказаніе есть одно прямое употребленіе и занятіе обязанностями фронтовой службы, а не другими подобными занятіями.»

Въ образцовый полкъ отъ дивизіи командированъ подпоручикъ Смельскій, 2 унтеръ-офицера и 4 рядовыхъ, самыхъ лучшихъ по поведенію, фигурою и расторопностью, кромѣ того отъ полка назначены одинъ барабанщикъ и 1 флейщикъ. Люди эти къ 15 августа должны были собраться въ селѣ Ядровѣ, Новгородской губерніи, а оттуда, послѣ смотра начальника дивизіи, выступить 1 сентября въ С.-Петербургъ. Наконецъ, насталь для полка день выступленія съ работъ.

Снабженные подробными указаніями начальства, какъ слѣдуетъ вести себя на походѣ, выступили Рязанцы въ Тульскую губ., держа путь на Москву.

Тяжелый и утомительный долженъ былъ быть ихъ путь. Нѣкоторыя послабленія могли быть, пожалуй, допущены во время продолжительнаго марша при мирной обстановкѣ, но не такъ посмотрѣлъ на это г. Фрикенъ.

Выѣхавъ 3 сентября изъ Клина въ Москву вслѣдъ за нашимъ полкомъ, г. Фрикенъ наткнулся на большіе безпорядки. Они настоль-

ко рельефно рисуютъ картину походнаго движенія полка, что въ отношеніи ихъ мы будемъ строго придерживатьея словъ начальника дивизіи.³¹

«Выѣхавъ сегодня изъ г. Клина въ Москву, пишетъ онъ, узналъ я отъ двухъ рядовыхъ Рязанскаго пѣхотнаго полка, возвращающихся въ полуформѣ въ полкъ, что они приводили въ Клинь неспособныхъ того же полка, назначенныхъ къ опредѣленію въ корпусъ путей сообщенія, коихъ предписано было сдать въ Москвѣ г. Янину, а какъ полкъ Рязанскій слѣдуетъ черезъ Москву, то и удивляюсь такому распоряженію, ни къ чему болѣе не ведущему, какъ къ изнуренію людей отъ лишнихъ переходовъ, ибо полку соотвѣтственнѣе было сдать сихъ людей по назначенію въ Москвѣ, чѣмъ отягощать ихъ и внутреннюю стражу; пріѣхавши на станцію Подсолнечную-Гору, я узналъ, что штабъ выступилъ, но подполковникъ Ганкевичъ съ нѣсколькими нижними чинами и канцеляріею остались еще; въ проѣздъ мой встрѣчены безпорядки слѣдующіе: отъ станціи обогналъ я 2 роты двухъ рядовыхъ съ ружьями безъ ранцевъ, на 2-й верстѣ одного унтеръ-офицера 1-й роты въ полуформѣ, при немъ 2-хъ рядовыхъ безъ ружей въ фуражныхъ шапкахъ, на 9-й верстѣ видѣлъ обозъ, при коемъ много очень людей безъ должной формы, ружья и ранцы положены кое-какъ на повозкахъ; 2-я грендерская рота, со штабомъ слѣдующая, отвратительно одѣта, на ранцахъ изорванныя тряпки, хлѣбъ печеный, сверху пристегнутый веревками. Гдѣ клеенка, свернутая въ трубку, прикинута, гдѣ султаны и всякія вещи, не долженствующія быть, навѣшены на солдатъ. Передъ авангардомъ въ верстѣ ѣхалъ маіоръ Бетхе на дрожкахъ, ранѣе гораздо подвода, на коей сидѣли прапорщики: Васильевъ, Стаховичъ и юнкеръ Безобразовъ, еще далѣе ѣхали кибитки съ солдатскими женами, при каждой находился рядовой безъ ружья и ранца. Вообще я не встрѣтилъ никакого устройства и порядка и нельзя назвать встрѣченное строевыми людьми, а кучею нерегулярнаго войска и тѣ иногда лучше ѣдутъ, чѣмъ видѣнное мною. За что дѣлаю подполковнику Ганкевичу строгій выговоръ и напоминаю ему, что онъ въ другой разъ подвергнетъ себя строгой отвѣтственности и легко можетъ черезъ сіе полка лишиться, маіора Бетхе арестовать на 3 сутокъ съ исправленіемъ должности, а прапорщиковъ Васильева и Ста-

ловича черезъ день наряжать съ арьергардомъ, въ свободный же день быть имъ, до перехода полка на контоинръ - квартиры, подъ арестомъ и слѣдовать въ арьергардъ.»

Конечно, послѣ столь грознаго приказа отетупленій отъ правилъ похода, изложенныхъ въ саперной книжкѣ, уже болѣе не встрѣчалось, напротивъ, представъ прямо съ похода 6 сентября въ Москвѣ на смотръ начальника дивизіи, полкъ былъ найденъ въ хорошемъ состояніи, люди одѣты были хотя и не совершенно хорошо, но довольно опрятно, не исключая и рекрутъ, кои были все въ фронтъ, отъ чего составилось во взводѣ по 30 рядовъ.³²

Къ 1-му сентября полкъ расположился: штабъ въ г. Каширѣ, 1-й баталіонъ въ селѣ Одинцовѣ, 2-й въ Возницахъ.

2-й баталіонъ съ хоромъ полковой музыки вскорѣ перешелъ въ Тулу для занятія городского караула.

По прибытіи на мѣсто людямъ данъ былъ отдыхъ на цѣлый мѣсяць. Ученій и вообще никакихъ занятій рѣшено было не производить. Никто не подозрѣвалъ еще въ то время тѣхъ бѣдствій, которыя угрожали нашему Отечеству и которыя должны были нарушить шестнадцатилѣтнюю мирную жизнь полка.

Предвѣстникомъ наступающей грозы была эпидемія холеры, болѣзни, свойствъ которой въ то время никто еще не постигалъ надлежащимъ образомъ. По воспоминаніямъ современниковъ, холера поражала, повидимому, самыхъ здоровыхъ людей обоого пола, въ нѣсколько часовъ умиравшихъ въ мученическихъ страданіяхъ и корчахъ. Жертвой эпидеміи часто становились люди воздержанные и напротивъ того, невоздержанные пользовались здоровьемъ.³³ Для предупрежденія заболѣваній отъ губельной болѣзни холеры у насъ въ полку предписаны были слѣдующія мѣры:³⁴ всякій, ежели замѣтитъ заболѣвшаго обывателя и товарища головной болью при сильномъ головокруженіи съ рвотой, поносомъ и судоргами, долженъ тотчасъ дать знать своему ротному командиру, который немедленно доноситъ о томъ баталіонному и полковому командирамъ. Старшій въ деревнѣ офицеръ или унтеръ - офицеръ собираетъ людей, объявляетъ имъ о болѣзномъ и приказываетъ курить по избамъ можжевелникомъ и оцѣп-

ляетъ домъ заболѣвшаго. До прїѣзда полкового врача изъ дому никого не выпускаютъ. Ежели врачъ признавалъ болѣзнь холерою, то тотчасъ здоровые люди выводились изъ деревни со всей амуницией и багажемъ, а деревня оцѣплялась кругомъ на 3 версты. Послѣ оцѣпленія никто изъ деревни и въ деревню пройти не могъ.

Осень 1740 г. была дождливая, сырая, что много способствовало развитію эпидеміи.

Въ 15 пѣх. дивизіи заболѣванія холерою впервые появились въ нашемъ полку въ послѣднихъ числахъ октября. Всего съ 7 по 22 ноября отъ холеры въ полку умерло 12 человекъ.

Между тѣмъ, болѣзнь быстро распространялась по всему государству. Люди умирали тысячами, а современная медицина не находила средствъ бороться съ вновь появившейся эпидеміей. Предписаны были самыя строгія карантинныя мѣры. Зараженные мѣстности оцѣплялись заставами, цѣпью часовыхъ. Всеобщее уныніе царило повсюду, торговля прекратилась. Простой народъ глухо волновался. Нашлись, конечно, люди, которые, пользуясь смятеніемъ, ради собственныхъ цѣлей, побуждали чернь къ неистовствамъ. Молва «дохтура отравляютъ народъ» носилась по всей Россіи. Съ этимъ лозунгомъ началось истребленіе больницъ, истязанія и даже убійства не только врачей и фельдшеровъ, но и людей одѣтыхъ въ нѣмецкое платье.

Такіе центры, какъ Москва и С.-Петербургъ, гдѣ собираются для заработковъ тысячи простого люда, требовали особой охраны. И вотъ, не успѣвъ еще осмотрѣться на конторирь-квартирахъ, Рязанцы въ половинѣ октября (съ 13-го по 16-е) двинуты были къ Москвѣ.

Выступленіе произошло такъ быстро, что даже начальникъ дивизіи не зналъ объ этомъ. Какъ видно, экстренное приказаніе послѣдовало свыше непосредственно командиру полка.

Первоначально штабъ полка и 2-й баталіонъ заняли село Харловку, 1-й баталіонъ Черкизово; затѣмъ полкъ выставилъ кордонное оцѣпленіе кругомъ Москвы: штабъ полка въ д. Грайворонкахъ, баталіонные штабы: 1-го въ Измайловѣ, 2-го въ Карачаровкѣ; роты: 1-я

гр. въ с. Измайловѣ, 2-я гр. и 5-я мушк. въ с. Выхонь, 2-я мушк. въ с. Щетниково, 4-я и 6-я мушкатер. въ деревнѣ Печатниковой, 3-я въ селѣ Ивановское. Всего отъ полка на кордонѣ: 4 штабъ-офицера, 33 оберъ-офицера, 146 унтеръ-офицеровъ, 55 музыкантовъ, 1595 рядовыхъ, 6 рекрутъ, 11 кантонистовъ, 56 нестроевыхъ и 10 лошадей.³⁵

Сплошное оцѣпленіе первопрестольной кардономъ продержалось до половины декабря, но полкъ расположился по временнымъ квартирамъ: штабъ въ г. Дмитровѣ, 1-й баталіонъ въ Подмостьѣ, 2-й въ селѣ Васильевскомъ.

Непредвидѣнное обстоятельство, какъ выступленіе съ зимнихъ квартиръ, сильно волновало начальника дивизіи г. м. Фрикена. Учебную команду пришлось распустить, о пригонкѣ амуниціи и выправкѣ не могло быть и рѣчи.

Несмотря на это, какъ только явились признаки ослабленія эпидеміи, признаки, замѣтимъ, кажущіеся, начальство опять принимается за свое излюбленное занятіе. «По нынѣшнимъ несчастнымъ обстоятельствамъ, постигшимъ Россію, писалъ г. м. Фрикенъ, полки не могли заняться должнымъ обученіемъ людей. По благопріятнымъ извѣстіямъ, кои до меня дошли, нынѣ видно, что оцѣпленія сняты, полки расположены по квартирамъ, кромѣ малаго числа при заставахъ для окурки проѣзжающихъ. Предписываю не упустить таковой случай изъ виду и утвердить тотчасъ при полковыхъ и баталіонныхъ штабахъ учебныя команды.»

Немного раньше, въ моментъ выступленія на кордонъ, г.-м. Фрикена озабочивалъ вопросъ о постройкѣ образцовыхъ зимнихъ пантолонъ, приказано было даже начать ихъ постройку въ карантинѣ, но наврядъ ли могли къ этому приступить. Мало того, начальство собиралось произвести зимній инспекторскій смотръ, затрудняясь пока только вопросомъ, свободенъ ли по дорогамъ проѣздъ.

Стремясь во всемъ къ строгому однообразію, г.-м. Фрикенъ прибавляетъ въ Тулѣ мастера, которому за сходную цѣну—20 руб. вмѣсто 29 р. 60 к. поручаетъ заготовить для всѣхъ офицеровъ дивизіи полусабли.

Но съ мирной муштровкой пришлось на время разстаться. Не такое было время. Къ грозному бичу—холерѣ присоединился внутренний недугъ—быть или не быть самостоятельной Польшѣ?

17 ноября въ Варшавѣ всыхнула революція. Туда на Вислу призывалъ Русскій Царь свои полки для защиты чести, безопасности Россіи. Отовсюду спѣшили войска въ суровое зимнее время къ западнымъ границамъ государствъ.

13 декабря повелѣно было сформировать особую армію для подавленія возстанія, но въ составъ ея не вошелъ нашъ 4-й корпусъ.

Съ одной стороны надѣялись окончить съ Польшей, не напрягая всѣхъ силъ, съ другой—внутреннее состояніе Россіи требовало присутствія войскъ. Предвидѣть тѣхъ размѣровъ, кои впоследствии приняла Польская война, въ то время еще никто не могъ.

3-й нашъ резервный баталіонъ карантинное оцѣленіе по Диттиру снялъ только поздней весной 1830 года и направился къ Кіеву, близъ котораго въ с. Бѣличіи расположился 28 мая на тѣсныхъ квартирахъ.

Изъ Бѣличіи баталіонъ перешелъ въ Кіевъ, а затѣмъ 1 сентября двинуть былъ въ Слободско—Украинскую губернію и 21 числа сталъ въ Богодуховскомъ уѣздѣ, штабъ и 3 гр. рота въ с. Колонтаевой, 7, 8 и 9 мушкатерскіе—въ Рублевкѣ.

Разразившаяся эпидемія холеры не осталась безъ вліянія на такое расквартированіе. 3-й баталіонъ вскорѣ двинуть былъ въ Полтавскую губернію, Зеньковский уѣздъ, для содержанія карантинныхъ постовъ, которые заняты: 3-й гренадерской ротой у мѣстечка Кузюмень, 8- мушкатерской у с. Будихи, 7-й и 9-й въ с. Бѣльскомъ.³⁶

При такомъ расположеніи полка наступилъ 1831 годъ, годъ бунтовъ и эпидемій.